

СМЕНА

15
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОЛНЦЕ, ГРЕЙ ГОРЯЧЕЙ!

Слова Вадима МАЛКОВА.

Музыка Владимира ШАМИНСКОГО.

Льется солнечный свет.
В голубую майку летний день одет.
Плещет море знамен.
Молодым задором полон стадион.

Быстрый бег, как полет,
Лента финиша трепещет и зовёт.
Меч в ворота забьёт,
И трибуна рукоплещет и гудит.

Припев.

Припев:

Солнце, грей! Солнце, грей!
Горячей, горячей!
Не жалей, не жалей, не жалей!
Своих лучей!
Принимай, стадион,
Всех, кто в молодость влюблён.

Здесь различия нет —
Восемнадцать или сорок восемь лет.

Сердцем молод любовью
На площадке, на дорожке
беговой.

Припев.

Фото А. Бочинкина.

СТРОИТЕЛИ

Рисунги В. Каменского.

Наша страна в лесах новостроек. Куда бы ты ни пошел, куда бы ни кинул взгляд, — всюду найдешь предметы великих создательных работ. Поднимаются корпуса заводов и фабрик. Тянутся вверх опоры новых рудников и шахт. Ровняются города и поселки. Прямими стрелами ложится магистраль...

Советская страна стала величайшей в мире строительной площадкой.

— Своего человека состоит в том, — говорил Никита Сергеевич Хрущев, обращаясь к молодежи, — чтобы своим трудом активно участвовать в этом великом строительстве, делать все для того, чтобы приблизить создание коммунистического общества.

С гордостью носят славное имя строителя сотни тысяч наших юношей и девушек — тех, кто по зову партии вышел на передний край борьбы за семилетку, кто своим трудом заставляет отступать тайгу, огибает целинные степи, обдувает реки, меняет облик земли. Сколько их рядовых вольной гвардии — трудя, стало бойцами семилетия, по комсомольским путям.

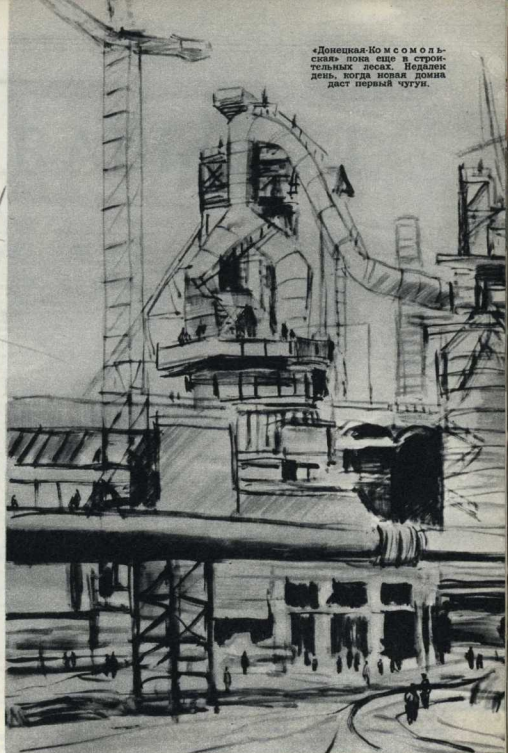
Комсомолец Виктор Нестеренко — отличный мастер сварочных работ.

Комсомолец строится Александр Сидоренко.

Евгения Настученко не страшит ни высота, ни зной, ни злой, обжигающий ветер. В любых условиях молодой монтажник работает четко, быстро, по комсомольски.

«Донецкая-Иосомольская» пока еще в строительных лесах. Поднялся день, когда новая домна даст первый чугун.

нам отправилась на главные рубежи строительства коммунизма!

Ленинским комсомолом взята шефство над крупнейшими новостройками семилетия. Заводы большой химии и черной металлургии, рудники и шахты, железные дороги, электростанции, комплексно-автоматизированные предприятия — сотни таких объектов стали ударными комсомольскими.

Отвечая делами на решения июньского Пленума ЦК КПСС, молодые строители отдадут работе весь пыл горничьих сердец, всю силу крепких рук. Отосюда идут рапорты о трудовых победах, о досрочном введении в строй цехов, участков, линий. Через несколько дней выйдет первый чугун новой домновой печи завода «Азовсталь». Строители дали слово сорвать сроки сооружения этого металлургического агрегата на тридцать пять дней.

Нелегко далась эта победа коллентиву строителей домны. Трудным подъемом можно назвать самостоятельную работу монтажников, бетонщиков, электросварщиков, каменщиков — всех рядовых почти трехтысячного коллектива создателей «Донецкой-Иосомольской».

Наш художник побывал на новострое в дни, когда строители заканчивали монтаж оборудования. В его альбоме — множество рисунков, рассказывающих о буднях комсомольской стройки. Сегодня мы публикуем несколько портретов молодых строителей, кто вместе со своими товарищами в огромном коллективе новел замечательную трудовую победу.

Краснощица Нади Кудрицова — потомственная строитель. Вместе с ней на стройку трудятся ее отец и трое братьев.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15. 1959 год.

Год издания 36-й.

ТЫ И Я

ТАЙНА ГОРЫ ШАХ-ТАУ

Еще в поезде мой сосед по вагону, старик башир, сказал:

— Если на гору Шах-тау не поднимется, то нечего ехать в Стерлитамак!

— Чем же знаменита эта гора?

— Э-э-э! — неопределенно протянул старик, и щелочко его глаз стали еще уже.

Он помолчал, точно решая, стоит ли раскрывать тайну горы чужому человеку, потом не спеша начал рассказ:

— Давно это было, а те времена, когда правили цари. В одной деревне жил дед по имени Ягиль. Жил бедно, за соромьдесят лет жизни даже козы не смог купить. Зато был у него сын-батыр, такой сильный, какому не знала вся округа. Однажды Ягиль сказал сыну: «Слышал я, что далеко-далеко есть большая гора. Кто дойдет до той горы, отыщет свое счастье...»

Выслушал сын отца и ответил: «Я пойду к той горе и не вернусь, пока не найду счастья.»

Шел батыр через дремучие леса и через бурные реки и добрался наконец до горы, тающей в себе счастье. Засучил рукава и начал рыть гору, выворачивать камни. И вот однажды вырвал невнятный по красоте и величине золотой камень, цвет которого мог спорить с цветом самого солнца. Обернулся батыр находке: видно, это и есть то самое счастье, про которое говорил отец. Но только взял в рот золото, как из-под земли черным дымом закричал: «Как ты посмел, наглец, захватывать мое богатство! Эта гора моя, и никто не вправе владеть ее даром!»

Но батыр не испугался.

«Я покаберу тебя, злой дух! — крикнул он, — а богатство твою отдам людям!»

И только успел он это промолвить, как потемнело небо, завыл ветер, ударила гром и молния, точно мечом, раскололась небо. «Глухой батыр! — еще громче грохотал злой дух. — Горы нельзя покорять в одиночку!»

Старик замолчал и отвернулся к окну. Было ли это концом легенды, не знаю, но старый башир больше не проронил ни слова.

А на следующий день в Стерлитамаке я услышал другой рассказ. Но это была уже не легенда, а факт.

— Неподобая! от горы Шах-тау раскинулись огромные корпуса содового-цементного комбината. И стоит геология гора, покореженная советскими людьми. То, чего не смог сделать батыр, сделали люди. Они забрали у горы ценнейшее сырье — известняк. Там, где когда-то в поднебесье парили орлы, бегут по стальным тротуарам вагонетки.

Кажется, сама природа сделала все возможное, чтобы превратить Стерлитамак в центр большой химии. Ишимбайская нефть, природный газ, известняк и каменная соль — вот что способствует росту этого города. Достаточно сказать, что уже к будущему году содово-цементный комбинат по мощности станет одним из крупнейших в стране.

— Неподобая! от комбината строится другой гигант большой химии — Стерлитамакский завод синтетического каучука. Сюда, на эту стройку, устремились сотни юношей и девушек, те, в ком бьется горячее комсомольское сердце. Едут группами, в одиночку, отправляют целыми классами по окончании средней школы. Едут, хорошо отдавая себе отчет в том, что им предстоит, и крепко веря в свои силы. Они роют котлованы под фундаментом цехов, бетонируют эстакады и прокладывают линии подземных коммуникаций, устанавлива-

Большая химия! За этими словами видишь некие школьные учебники, андеевские формулы, а грандиозный размах строительных работ, пуск новых комбинатов, новые цеха, дорогие и дешевые материалы и изделия для промышленности и быта.

Величественная программа ускоренного развития химической промышленности, выработанная в СССР, Плenumом ЦК и XXI съездом КПСС Она принята народом и энтузиазмом превращается в жизнь. Каково большое, новое, трудное дело может обойтись без молодежи, без комсомолов! И комсомол взял шефство над большой химией. Объекты двадцати семи новостроек, которые предстоит ввести в действие в 1959—1960 годах, объявлены ударными. Сюда с комсомольскими путевками только за последние месяцы пришло более тридцати тысяч юношей и девушек. Десятки тысяч комсомольские штабы и комсомольские посты. Все заняты двадцати семи «ударными химическими» объектами — заводами и в провинтных организациях в первую очередь.

Комсомольские шефство уже приносит первые плоды. На Могилевском заводе искусственного волокна с опережением графика введены в строй цеха флюора, нафена, капрона, акрила, стирала. Досрочно закончились строительно-монтажные работы на объектах в области очереди Сулейманского завода синтетического каучука. На Ижевском комбинате искусственного волокна на несколько раньше установленной даты вступили в действие корпуса новых химических цехов.

Большой химии — большие молодежные кадры! Сегодня мы рассказываем о буднях этих Стерлитамакских комсомольских ударных строительных научных — одной из двадцати семи химических строек, над которыми шефствует комсомол.

ют сложнейшую аппаратуру. Не в классе, а на строительной площадке держит сегодня молодежь экзамен на зрелость.

Труден этот экзамен. Почти всех прибывших сюда по путевкам комсомола в районах предупреждали:

— Будет нелегко!
И комсомольцы с честью проходят испытание. Разве мог кто-либо предположить, что верхняя ишимбайская школьница, красавица Лия Кобзова, с розовыми ногтями на тонких пальцах, будет хорошим штукатуром! Но именно она первой предложила своему классу поехать на новостройку в Стерлитамак.

Следствия кое-кто и струсил, однако восемь человек из десятиго «В» вместе с Лией и по сей день трудятся здесь.

А кто мог предположить, что Зина Николаева, робкая, застенчивая девушка, будет управлять на стройке мощные баширскими кранами! Жизнь помогла Зине найти себе профессию, которой она увлеклась и которую по-настоящему полюбила.

Трудно сказать, как приходит такая любовь. Может быть, она рождается в минуту, когда паренек или девушка впервые почувствуют себя ба на стройке не экскурсантом, а полезным, нужным человеком. А может быть, и позже, когда молодой, еще неопытный строитель допустил просчет, когда пришлось заново переделывать всю работу и руки, переставая слушаться, примерзали к металлу, когда внутренний голос шептал: «Уйди!» — а человек не ушел... Юношей и девушек, прибывших по путевкам комсомола, экзаменует сама жизнь!

«БАТЫРА ИСПЫТЫВАЮТ В БИТВЕ...»

Огромная строительная площадка завода синтетического каучука в эти дни напоминает поле сражения.

Работы идут одновременно и на земле, и под землей, и в воздухе; от грохота экскаваторов, бульдозеров, тяжелых мазов и язовов сотрется земля.

— Вперед, Майя! — доносится возглас. Это такелажники из бригады Павлова устанавливают шарообразные емкости. Пыль. Жара. В воздухе висит едкий запах расплавленного битума... Строители ведут генеральное наступление, пуск первой очереди Стерлитамакского завода уже недалек.

Секретарь Стерлитамакского горкома комсомола Михаил Минев рассказал, с какими трудностями создавали на первом этапе борьбы за большую химию боевые комсомольские штабы.

Сразу после майского Пленума ЦК КПСС встал вопрос о том, чтобы стройку завода синтетического каучука объявить ударной, комсомольской.

— Ну, объявим, — соглашался с Миневым тогда секретарь горкома Николай Чалагин, — а дальше что? Повесить табличку на двери: здесь, дескать, штаб комсомольской стройки — дело нехитрое, но что будет происходить за этой дверью?

На этот вопрос и сам секретарь горкома не мог дать исчерпывающего ответа. В городе уже он прожил всю жизнь, никогда не было ударных строки, город жил размерно, спокойно. Здесь не воздвигали комсомольских домов, не строили гидроэлектростанции и сталелитейных печей...

Решили начать с небольшого: создать комсомольские бригады, учредить перевозящее звено горкома. Однако возник вопрос: кто будет руководить штабом!

На строительной площадке Минев встретил молодого инженера комсомола Валеро Скарюкина. Одевший советки не по сезону, в точное пальто, Володя стоял с теодолитом и, потирая озябшие на холодном ветру руки, вел запись.

— Как дела! — поинтересовался Минев.

— Какие тут дела! Горе одно, — вырвалось у Владимира. — Вот, смотрите: здесь недостроен бетона, там перекопаны, опалубка села... Разве так надо работать на комсомольской стройке!

Володя говорил запальчиво, и Минев почувствовал, что это настоящий козлик. Они разговорились. Оказалось, Владимир Скарюкин окончил Ленинградский институт железнодорожного транспорта, приехал в Стерлитамак вслед за женой — молодой педагогом, направленный сюда на работу. Он мечтал построять новый мост через реку Стекло взъездом того, что был выстроен еще при царе Горохе, а пока работал мастером.

— Сколько ты получаешь? — спросил Минев.

— Тыщу сто.

— Много! — искренне выразился у секретаря. — А если бы тебе предложили девятьсот, пошел бы работать и так в горком!

Скарюкин пожал плечами...

— Ты не торопись с ответом, подумай, — сказал Минев. — Работу предлагаю трудную: хоти, чтобы ты возглавил штаб комсомольской стройки.

Через день Володя пришел в деловой комсомольской сорочке, собранный, подтянутый, и коротко, поведенно, объявил:

— Согласен!

— Вот и отлично! — весело отозвался секретарь горкома. — Только легкой жизни уже не види и знаи: один в поле не воин! И еще запомни: баширская пословица гласит, что батыра испытывают в битве...

ЧУВСТВО ХОЗЯИНА

Штаб стройки создал несколько контрольных комсомольских постов и бригад «легкой кавалерии». В них вошли самые активные, «зубастые» комсомольцы из строительных и суб-подрядных организаций. Дел у них оказалось много. Стройка огромная, и вот поди уследи, кто бросил лист железа, кто рассыпал газоди, кто разлил цементный раствор, а кто и встал в грязь дорогостоящий лес... Рейды рейдами, думали члены штаба, а главное состоит в том, чтобы привить всем молодым строителям чувство бережливости, научить ценить и хранить народное добро.

Однако это оказалось делом нелегким.

— Стоит ли поднимать крик из-за ложки бетона! — оправдывался, бывало, какой-нибудь молодой бригадир. — А потом, кто это сказал, кто мои ребята его вылил!

— Сама видела, — наступала хозяйственница Алла Котова. — Небось, когда молоко себе покупаша, за окно его не выльешь! А ведь тонна бетона стоит тридцать два рубля! Вы же государственные деньги в землю втаптываете!

А бывало и так.

— Парень, оглянись, пять рублей потерял! — говорил член штаба плотник Золотов молодому каменщику.

— Где?

— А это что? — показывая на разбросанные кирпичи Золотов. — Каждый такой кирпич — тридцать пять копеек. Сосчитай, сколько ты сегодня денег растранирил!

Парень краснел и поспешно собирал кирпичи.

Эти короткие беседы не вносились в протоколы собраний штаба. Никто не мог бы сказать, сколько их провели активисты. Но одно было несомненно: поход за бережливостью, начатый штабом, принес замечательные плоды.

— Ну и глазастые у нас комсомольцы! Никуда от них не спрячешься! — говорили в прорабствах.

И это действительно было так. Вывешенные на видных местах эмблемы останавливали людей, привлекали внимание.

«Тов. Збиковский! — говорилось в одной из эмблем. — По вашей вине срывается монтаж железобетонных конструкций. До каких пор вы будете растрчивать дорогостоящее рабочее время!»

Однако члены штаба считали, что их обязанность не только потопить хозяйственников, но и помочь им.

Стало известно, что срывается монтаж колонн в цехе Д-4. Члены контрольных постов Анатолий Бузанин и Юра Менделевич выяснили, что работу тормозит отсутствие изолированных проводов и кислородных шлангов. Но где взять нужные материалы? Стали искать и обнаружили на третьем участке сто метров кислородных шлангов.

— Выделите, пожалуйста, метров пятьдесят для монтажников, — попросили комсомольцы у начальника участка.

— Попробуй вам отказать! Сейчас же в милицию расписчете — засмеялся начальник и вышел для комсомолов дефицитный шланг.

Секретарь комсомольской организации Стерлитамакского участка «Монтажнозащитав» Гая Валеева давно жаловалась:

— Пятьсот работ без идей № 88!

— А где же можно достать эти восьмерки? — поинтересовался в штабе.

Оказалось, что таким клеем располагает Ленинградский завод резино-технических изделий. Написали письмо комсомольцам завода, попросили помочь.

По мере того как комсомольцы разворачивали свою деятельность, выника во все стороны производственной жизни, рос среднестроитель и авторитет штаба.

— Подскажите, как мы работаем! — пригласил однажды членов штаба мастер Гольберг. — Это же курар на смех! Кричи: «Малая механизация!», — а на деле что получается! Ведь такие «вечники» хорошо буржили из-под кифира чистить, а на наши емкости.

— Да ты не горчишь, расскажи толком, что произошло, — попросил Николай Резанов и позвал мастера в штаб.

Выяснилось, что при установке в цехе шарообразных емкостей надо было подгото-

Монский Пенум ЦК КПСС указал на необходимость широкого применения непрерывного консования слабоспекающихся углей с получением в специальных установках формованного металлургического кокса. Одна из таких установок, разработанная Институтом горючих ископаемых под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Л. И. Саломиннова, скоро вступит в строй на Хальновском коксохимическом заводе. На строительстве новой установки трудится немало молодежи. Одного из молодых строителей, монтажника комсомольца Дмитрия Колесина, вы видите на этом снимке.

Фото В. Леонова.

швы под смазку. Швы заржавели, и для того, чтобы очистить металл, пришлось делать самодельные «вечники».

— Быва пекоструйный аппарат, кончились бы наши муски! — сказал мастер.

— Могут помочь! — предложила Гая Валеева. — Штаб помог химзащите, а химзащита готова идти навстречу штабу! У нас есть пекоструйный аппарат, можно на время передать его вам.

На следующий день Гая выполнила свое обещание.

ШТАБ БЬЕТ ТРЕВОГУ

Днем и ночью прибывают на строительную площадку металл, лес, стекло, оборудование... Десятки заводо-поставщиков в Салавате и Уфе, Ленинграде и Фастове, Москве и Куйбышеве выполняют заказы для ударной комсомольской стройки.

Но бывает и так: монтажники ждут новое оборудование, а оно либо еще не изготовлено на заводе, либо не отгружено. И вот из-за нескольких недостающих труб, колонн или аппаратов останавливаются работы...

— Мой совет вам, товарищи, — говорил секретарь партийной организации цеха «Стерлитамакстрой» Ян Михайлович Малинский, собрав у себя членов штаба, — возьмите шефство над оборудованием. Кстати, вам известна сумма, на которую мы должны получить заводскую «манинку»? 25 миллионов 177 тысяч рублей!

— А получено! — спросил Володя Скаржино. — Всего на 2 миллиона 250 тысяч... а до пуска завода осталось меньше пяти месяцев! Бейте тревогу, товарищи, сейчас очень многое решают заводы-поставщики!

От секретаря партийной организации все вышли довольные.

Город Салават расположен в двадцати пяти километрах от Стерлитамака. Камеята, совсем рядом, а вот узнать, почему машиностроительный завод не отгружает емкости, никак не удавалось. И вот теперь горючо комсомола вместе со штабом стройки решил создать выездное бюро и пригласить на это заседание комсорга салаватского завода.

На бюро выяснилось, что машиностроители давно выполнили бы заказ, если бы Магнитогорский комбинат вовремя поставил металл.

Володя Скаржино отправился на Магнитку.

Секретарь комитета ВЛКСМ Магнитогорского металлургического комбината Петр Гривенко успел прийти на заседание штаба: — Для будущей жизни наши старшие обязательно пострадают. Не горюй! Жив огоньек Магнитки, уедем с металлом!

На следующий день в адрес комсомольской стройки было отправлено шестидесять два тонны высортной стали.

Возвратившись в Стерлитамак, Скарюнин созвал совещание рейдовой бригады.

— Мы торопим поставщиков,— сказал он,— но есть ли у нас уверенность в том, что все сбудуется, и пострадают на площадке, уедет сразу же в отпуск? Не застревает ли оно на складах и в портах? А застрявшего дня штаб объявляет комсомольский рейд по выявлению причин, мешающих монтажу оборудования.

Участники рейда собрали интересный материал, который помог руководителю стройки ускорить темпы монтажных работ.

РАЗГОВОР В ШТАБЕ

На ней яркая юбка; волосы собраны на завитке в пучок, напоминающий конский хвост.

— Пошлите меня на самое трудное дело! — обращается к Вере Скарюнина, говорю Флора. — Хочу поехать на Урал!

— Почему на Урал? — удивился начальник штаба. — Ты же приехала строить завод синтетического каучука. Разве у нас мало дел?

— Дел, дел! — раздраженно повторила девушка. — Стой целый день и вози кистью по стене!.. Очень интересно!

— А что бы ты хотела!

— Я! Хочу работать в глухой тайге, спать в палатке...

— Эх, ты!.. Тайгу подавай, палатку! А то, что ты строишь завод-гигант, тебя не увлекает? Здесь, по-моему, не романтика, а работа жизни, да! Не нравится профессия маляра? Каков же дело тогда тебе нравится? Скажи! Работа манюшкор! Что ж, пожалуйста, это тоже займись!.. Иди в любую парикмахерскую. Кто тебе держит! Только не смей прятаться лживыми желаниями ехать в тайгу!

— В это время в комнату штаба вошли Лиды и Валя Стрельковы — белокурые, сероглазые девушки в одинаковых платьях, переплетанных растром, удивительно похожие друг на друга.

— Что за шум! — спросила Лиды.

— В тайгу просятся,— кинула в сторону Флору, пояснив Скарюнину, что Флора она собирается поехать в Уфу к тете, а теперь в тайгу! Также мне, патриотка! — Лицо девушки разругалось, глаза блеснули. — Шла бы лучше укладывать плитки в машинное зало...

— Правильно,— кинула головой начальница штаба.

— Ты думаешь, Флора, я не люблю яркие платья? — горячилась Лиды. — Люблю! И петлю люблю и танцевать, но только это хорошо в свое время. А ты считаешь, что строители мало площадки — это место для танцев. Нет, никто тебе здесь на вальс-бостон не приглашит! Здесь трудиться надо, да так, чтобы рук не жалеть!

— Бетон! Серая, всякая масса из цемента, песка, гальки и щебня. Неприятно и неприятно, за смену восемнадцать кубометров! Откуда только у Лиды, недавно окончившей десяток классов, берется такая сила! Видно, от Павки Корчагина и Лизы Чайкиной унаследовала она горячее сердце, потребность идти наперекор трудностям.

Несколько месяцев назад строители сдавали монтажникам класс Д-6. Неожиданно обнаружился досадная поделка: рамы встали, а покрасить их забыли.

— Давайте я покрашу! — вывазала Лиды. И не успев мастер вымолвить слова, как она, прихватив монтажный пояс, стала подниматься на лес. Тридцатиградусный мороз и порывистый ветер встретили Лиду на высоте.

— Спе-за-были! — отчаянно кричала махал руками мастер Малышев, но Лиды не оставила работы, пока не покрасила рамы.

— Ничего этого не знала Флора. Она с нескрываемым любопытством смотрела на Лиду, словно они не жили в одном общестии, а впервые встретились здесь, в штабе стройки.

У ВСЕХ НА ВИДУ

Бригаду Алексея Анохина на стройке знают еще этого коллектива паровоза в Стерлитамаке присвоили звание бригады коммунистического труда. И бригаду не только знают, а стараются следовать ее примеру, соревнуются. Анохины решили иметь по четыре сложных профессии, а в соседней бригаде монтажников — три или четыре. И так во всем!

— Подумываю, Анохин да Анохин! А мы хуже, что ли? — заявили на производственном собрании девушки-штукатуры из бригады Захара Жукова.

— Мало как мы будем с ними соревноваться! — сказала Наяна Бактиярова. — Они же арматурщики, а мы штукатуры!

— Ну и что же! Профессия тут не помеха!

— А как же с учебой! — возразила Наяна. — Ведь бригада коммунистического труда — это не только хорошая работа...

— В бригаде Алексея Анохина почти все учаешь,— заметила Галина Остелчук. — Ефремов на третьем курсе строительного техникума, Буров, Мамаев, Федоров, Дерин — в вечерней школе... А у нас!

— А у нас,— не сдавала Вера Хусанова, комсорг бригады. — Раз Бирюкова на третьем курсе строительного... Я уверена, за ней другие пойдут, объявят толку, что соревнуемся с анохинцами! Верно, девчата!

— Не вытвем мы,— проговорила Надифра Мангальева.

— С таким настроением лучше дома на печи сидеть! И у анохинов сначала тоже все ладно было. За нового человека бороться начали...

Вера Хусанова верила в слова подруг. Приехали они в Стерлитамак, что называется, прямо со школьной скамьи, ничего толком делать не умели, а здесь завоевали звание передовой бригады, получили переходящий вымпел постройкам.

Начальник штаба поддержал предложение комсорга.

— Смелее, девчата! Помните, у Горького: есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жалкие забурт паразит, трусливые и щедрые — вступают!

Проголосовали за то, чтобы назвать соревнование за право называться бригадой коммунистического труда. Не голосовала только Надифра.

— А ты что же? — спросила у нее Скарюнин.

— Просто так!

— Просто так и ворона не летает! — усмехнулся Вера.

— Сорится незачем,— сказал Володя. — Видно, Надифра не верит еще в свои силы. Придет время — поверит! Коммунистическое отношение к труду надо воспитывать, окрики здесь не помогут.

— Трудно подчитать, сколько десятков тонн арматуры изготовили и установили парни из бригады Анохина. Самые сложные арматурные работы в своем цехе поручались только этой бригаде. Восемь раз анохинцам присваивали переходящий красный вымпел. Работа сработалась, сдружились. И вот надо же было завести такую: вскоре после того, как они закончили заводской коллектив коммунистического труда, их решили слить с бригадой арматурщиков Алексея Стукалова.

Анохины встревожились.

— Подумаю! оно наше имя! — заявил на собрании Александр Павлов.

— Давать дисциплину подражать, что тогда? — поддержал Павлова один из парней. — Как ты считаешь, бригады!

— Мои мнение,— сказал Алексей,— взять к себе новиков. Для обиды полны ведь объявляем!

Дела в укрупненной бригаде плохо нешло. Но вот как-то раз ребята обнаружили укрепленную на арматуре бамбуку. «Называется бригадой коммунистического труда, а ругается хуже сапожников. Не стыдно?»

— Не стыдно! — ответил Алексей, прочел вслух записку и сказал:

— Дождись комплиментов. А ну, Касьянов, отвянь, долго ты еще будешь сквернословить!

— Вы уж извините, хлопцы,— смутился тот. — Даю слова: больше это не повторится.

Возмолвав ребят и другой случай. Однажды

в бригаду пришел начальник участка Даншин.

— Как же ты, товарищ! Боролся вместе за звание передовой бригады, а теперь предлагаешь пускать в дело конки арматуры, и вот, пожалуйста: убрали стройплощадку и обнаружили целый склад выброшенной арматуры.

— Не наши это греши,— сказал рабочий Мадаров. — Ты Стукалов со своими мажорами работай. Пусть сами управят.

— Брось! — перебил его Николай Ефремов. — Бригада у нас теперь одна, нечего делить на «наше» да «наше». Пошли собирать!

В тот же день анохины подобрали, выправили и пустили в работу всю арматуру.

РАЗГОВОР О ЧЕЛОВЕКЕ

Комсомольскую стройку Тамара признала прошлым летом, вскоре после того, как в выпускном вечере получила аттестат зрелости.

Путевок в райком было мало, а желающих — весь класс. Посылали только лучших из лучших. В их числе оказалась и комсомолка Тамара Грозова.

Тамару определили в бригаду разнорабочих. Приходилось делать все: подносить раствор, разгружать стройматериалы, рыть котлованы. С наступлением холодов работать стало труднее. Заработки снизились, и денег едва хватало.

Подружки Тамары ходили к прорабу и требовали:

— Да как можно мы будем работать подосбинцами! Обучите нас строительной профессией. Грозова никуда не ходила, «чужую ведь кому-нибудь и подсобную работу выполнять», думала она. — Придет время — обучусь профессией. Мучительное все это было получать письма из дому. Мама настойчиво спрашивала: «На что хочешь, дочка? И с кем?» Тамара долго отмазывалась, а потом не выдержала и написала: «Учусь, мама, на аппаратурщик. Построим завод — работать стану».

Но это была ложь; на курсы аппаратурщика Тамару не приняли: не было свободных мест.

Потом она и с мамой и с сестрой поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

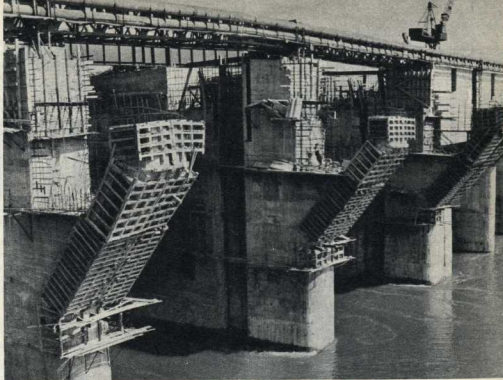
Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

Против Тамары и сестры Тамара поступило лето. Подруги постепенно устранились. Розу Мурагулинду обещали послать на учебу в нефтяной институт, и она стала готовиться к экзаменам. Тамара Трофимовна пришла на курсы.

(Окончание см. на стр. 14.)

ВС АЕ НАД НЕМАНОМ У РО

Неман перекрыт. Воды реки пошли через водосливную плотину. Эту слабую работу строители Каунасской ГЭС одержали накануне радостного праздника литовского народа — 19-й годовщины установления Советской власти в Литве.

Фото А. Горячева.

Двадцать лет в буржуазной Литве велись разговоры о строительстве Неманской гидроэлектростанции. Но дальше дело не шло. Вся энергетика находилась в руках иностранных монополистов, которые были не заинтересованы в промышленном развитии страны. И только в годы Советской власти перед литовским народом открылись широчайшие перспективы развития всех отраслей хозяйства, в том числе и энергетики. В настоящее время в республике вырабатывается электроэнергия в десять раз больше, чем в буржуазной Литве. А и концу семилетки производство электроэнергии утроится по сравнению с нынешним уровнем.

В этом году вступила в строй первая агрегат Каунасской ГЭС на Немане, а в 1960 году эта гидроэлектростанция, самая мощная в Прибалтике, будет работать на полную мощность. Широко разовьются линии высоковольтных передач.

Сегодня строится в лесах. Гидростанцию сооружают смелые, трудолюбивые люди, среди которых много молодежи — сотни юношей и девушек пришли на берег Немана по зову партии, по велению беспокойного сердца. Об одном из энтузиастов строительства и рассказывает этот очерк.

— Сварщик! Прекрасно,— сказали в отделе кадров.— Но сварять-то пока нечего. Придется временно замлеполком.

Придя на участок, усмехнулся Людас— без замлеполкома строим не обойдемся.

И он рыл землю, ровнял дорогу, носил кирпичи. Людас был всюду, где требовались крепкие руки.

Пришел год, второй... Незаметно изменилась за это время строительная площадка ГЭС. На пологом берегу Немана урчали бульдозеры и тракторы, гремели лебедки, позанимали гигантские краны, проносящиеся над лесом-граду, туда и сюда скавали самосвалы. Рядом со стройной выросли огромные корпуса бетонных фабрик, светились огнями цехи квартал новых жилых домов.

Проаб Юрий Монкус, молодой, энергичный инженер, недавно закончивший Каунасский политехнический институт, потребовал, чтобы для работ по забивке свай ему дали не меньше трех электросварщиков. Но заводующий механический мастерскими только развел руками.

— Сам понимаешь, сварщиков теперь не хватает,— сказал он.— Даю тебе одного, но лучшее— Людаса Блужаса.

Придя на участок, проаб, Людас внимательно ознакомился с заданием, спокойно взял аппарат и начал резать железные балки... Вечером проаб Монкус удивился: Людас один успевае резать свай, сваривать их и сверлить отверстия. По подсчетам оказалось, что он сделал больше трех норм.

Да, на такого сварщика можно было положить!

На стройке торопились: приближалась весна, и половедем можно помешать работам. Свай бивали днем и ночью.

Однажды перед рассветом случилась авария: в горловине молота застряла свая, надо было срочно создать ее вверх... Углубить поворота мог только опытный и смелый сварщик. Людас, закончивший смену, был в это время дома, в постеле.

— Позвони ему! — предложил кто-то из рабочих.— Людас не откажется!

Проаб не сомневался, что Людас придет. Но ему было жаль парня: он ведь только закончил смену. Монкус взглянул на рабочих, на умоляющий молот и наконец поднял телефонную трубку.

— Здравствуй, Людас! Ты на участке. Он быстро забрался наверх. Зашипел электросварочный аппарат, посыпались искры. Когда конец был срезан, Людас махнул рукой:

— Готово!

И вдруг оглушительный взрыв сбросил его с лестницы. Вскочив на ноги, Людас увидел

зависающийся на земле кислородный шланг. Надо было немедленно отключить кислород! Людас подскочил к голубому баллону и обеими руками стал поворачивать вентиль. И только когда погасло пламя, он ощутил, как острая, нестерпимая боль пронизала ногу. Людаса отвезли домой.

Проаб был в отчаянии: Людас работал за три норм сварщика. А теперь! Из арматурного цеха прислали нового электросварщика. Он споты, много ли работы, какой заработок, спросил, пожал плечами:

— Разве справлялся здесь одному? — И, вернувшись, ушел.

У Людаса Блужаса хватало терпения пролежать дома только сутки. Он не мог оставаться дома, когда его друзьями приходилось туго. Людас поднялся с кровати и тщательно забинтовал ногу.

— Куда ты? — спросила жена.

— Пойду, проядусь.

Как ни уговаривала жена, Людас ушел. Прикрывшая, добрался до стройки. Первый он встретил прооба.

— Ты с ума сошел! — набросился на него Монкус.— Кто тебе разрешил!

— Никого не прислани! — спросил Людас.

— Был тут один— махнул рукой Монкус.— Прирг не по впусу оказались... Ну, иди, садись в машину — и домой.

На следующее утро, позавтракав, Людас снова надел спешку.

Пойду, проядусь,— сказал он жене. И, увидев ее озабоченное лицо, добавил: — Пойми, не могу иначе. Товарищи жда!

Монкус, увидев Людаса на стройке, только покачал головой. Он не сказал ни слова. Он знал Людаса. Знал, что его не переубедить.

Он увидел его озабоченное лицо, добавил: — Пойми, не могу иначе. Товарищи жда!

Людас встал на колени и как товарищи приподнял свай повыше, чтобы парню было удобней работать.

Людас взял в руки аппарат и начал резать металл. Ни на минуту не прекращалась работа. Слыпались искры, гудел молот, ухал молот, вбивая в землю железные сваи...

Людас не остался дома ни на следующий день, ни на второй, ни на третий... Он продолжал работу, выполняя в смену по два, а иногда и по три нормы.

...Этого парня — решительного, смелого, упорного комсомольца Людаса Блужаса — знает сегодня вся стройка. Его делами гордятся, его примеру следует молодежь.

Перевод с литовского
Е. КАРОЛЮНЕ.

Какая ночь! Людасу кажется, что он никогда не видел такой удивительной летней ночи. В глубокой синеве неба мерцают тысячи звезд... Мать сказала, что кто-то из звездочеловек едет своя звездочка. И тому, кто рожден под счастливой звездой, всю жизнь сопутствует удача... Людас отставлялвается, смотрит: где же его звездочка!

— Ты что размычался? — спрашивает брат. — Алексас называет Людаса фантазером, мальчишкой. Но он забывает, что в кармане у Людаса лежит красная книжечка — комсомольский билет и что весь он полон горючего жаростойкого советского коммунистического героического, отправившись в какое-нибудь опасное путешествие... Брат смеется над ним.

Он говорит, что Людас незачем ехать в дальние страны, если он действительно жаждет борьбы и подвигов. Брат считает, что человек всюду и всегда может совершить большие дела, если только он способен на это. Людас возражает: ну, какая борьба в их отдаленном, тихом селе? Война кончилась. Бандиты рассеяны. Правда, люди из села рассказывают, что в Комарских лесах затаялся со своей бандой кулацкий Банкаунас...

Свернув с дороги, братья спускаются по тропе в долину чернеет их усадьба, еще дальше — другая...

— Кто-то с огнем бродит по двору,— тихо говорит Алексас.

Оба отставиваются, прислушиваются. И в то же мгновение раздается автоматная очередь, доносится крик.

— Бандиты! — кричит Алексас. — Скорее!

Вместе с братом Людас влетает в избу. Из глубины дома доносится тихий стон. Людас бросается в угол комнаты. Там, у стены, кровью, лежат отец и мать. Алексас переносит отца на кровать, потом поднимает мать и тихо шепчет:

— Умины.

Людас стоит, словно окаменев. Он смотрит на отца и видит на сединых волосах пятна крови... «Вот тебе и спор о борьбе!» — думает Людас, сжимая кулаки. И кажется ему, что тут он и носил в груди комсомольский билет, но настоящим комсомольцем стал только в эту ночь.

...На один раз принимал Людас Блукас участие в походах против бандитов. Народные защитники уничтожили шапку князя Банкаунаса и жизнь их отряд вступила в нормальное русло. Людас закончил курсы электросварщиков, потом три года прослужил в рядах Советской Армии, а когда вернулся домой, узнал, что на голубом Немане началась стройка огромной электростанции. Он решил поехать на стройку.

ИЖЫТАНИЕ ХИПТЕРА

Рассказ

Рисунки Р. Вольского.

И почему это Федор Куренок, а не кто-нибудь другой поправляет Тоню? Может быть, потому, что именно с ним Тоня Волошина связывала воспоминания о днях учебы в ремесленном училище, а может быть, потому, что был он предупредительнее, скромнее других ребят. Впрочем, зачем искать причину? Поправлялся — да и только...

Они вместе ходили в кино, в городской парк, в заводской Дом культуры, на занятия в вечернюю школу, где учились в одном классе. В тот день Тоня и Федор вместе вышли из конторы начальника инструментального цеха, вместе миновали проходную, попрощались с ватером дядей Ингатом. Никто из заводских, конечно, не удивился, увидев их: идут они, как и всегда, окончив работу, рука об руку. И только далеко от завода, на углу двух малолетних улиц, Тоня вдруг остановилась и, запинаясь, сказала:

— Не ожидала я такого... — А помолчать, добивалась — Не провожай меня. Одна дойду...

Не взглянула больше на расстегнутого Куренка, Тоня ушла.

Дорога до поселка, где жила Тоня, тянулась по ровному полю. С пригорок были видны небольшие белые домики, вливаясь своим уютом, тишиной, прохладой винных садов. Идти бы сейчас Тоня домой. Мать, наверно, поджидает с обедом. Рассказать бы, не тяясь, о том, что мучает, не дает покоя. Но теперь, когда все вышло так, как мать предсказыва-

ла, говорить с ней об этом казалось неудобным. Матери Федор не поправился с первого дня. Она говорила: «Тихий он какой-то. Таких я вроде в рабочих семьях и не встречала». Тоня же в ответ только смеялась: «Ты, мамка, все выдумываешь. Будто рабочему человеку нельзя быть тихим...»

Тоня медленно спустилась к реке. Над водой склонились ветви остропалхнувшей серебристой лозы. У самого берега лежали две круглые глыбы гранита, серые с красными прожилками. Вода их так отшлифовала, что они стали зеркально-гладкими.

В реке, между камней, дрожало, расплывалось, Тонино отражение. Но девушка не видела ни расстелавшихся кос, ни съезжавшей на плечо косынки. Она уехала на камень-валун и опустила в воду руку. Проточная вода приятно холодила пальцы.

В позарытый выходной Тоня приходила сюда, к этому камню, вместе с Федором. Сделав из бересты корзинки, они бродили по лесу, собирали ежевику. Когда возвращались домой, уже начинало вечереть. Тоня, походя на белую узкую ленту, затерявшуюся между кустами, тянулась по зеленому дощору. Было очень тихо, лишь далеко за рекой слышалась песня косарей. И вдруг где-то выше, видимо, на дороге, послышался крик.

— Беким! — сказала Тоня и устремилась по тропе.

Федор сделал два шага вслед за Тоней и остановился. Лицо его, смуглое, опаленное солнцем и знойным ветром, побледнело, даже губы, лулкие, как у ребенка, стали серыми.

— Что же ты? — ничего не понимая, обернулся Тоня.

— Погоди... Еще в свидетели попадешь... — Тоня махнула рукой. Между кустов мелькнули концы ее цветной косынки. А в это время на дороге, где только что звалили о помощи, послышалась автомобильные сигналы: кто-то ехал в поселок.

Запыхавшаяся, встревоженная, Тоня остановилась у высокой старой вербы. Прибежал и Федор. Одного взгляда на дорогу было достаточно, чтобы понять: никакой помощи уже не нужно. Федор рядом виновато покашлял, переминяясь с ноги на ногу. А Тоня не могла смотреть ему в глаза.

Двое незнакомых мужчин — видимо, шофер и пассажир — подерживали под руку пожилую женщину. Они молчали, а она говорила. Голос ее здесь, на пустынной дороге, был неестественно звонким.

— Подвернулась нога, и я упала. А тут уж вечер наступает. Неужто на дороге ночевать?

Почти до самого дома Тоня не промолвила ни слова. Федор же все пытался объяснить, почему он так поступил.

— Я для тебя хотел... Вдруг в самом деле обрадуют... Всекие люди бывают...

Он говорил долго, глядя себе под ноги. Дорога в вечернем воздухе казалась темной, на ней трудно было различить незнакомые машины колею. Федор то и дело поглядывал и каждый раз, словно нечаянно, касался Тониного рукава. А ей хотелось стянуть его руку.

— Я о тебе думал... еще раз повторил Федор.

Тоня не утерпела, голос ее от волнения дрожал:

— Ты бы лучше о себе подумал... Какой ты, Федор, прав... — И не договорила: не хотелось обижать его.

А теперь она поняла: ее синхронность к слабости Федора была совершенно ни к чему. Напрасно она его пожалела и не рассказала товарищам о случившемся на дороге: пусть бы с ним потогорили, пусть бы покрасел. Только на пользу только бы ему это. И она не переживала бы сейчас горького разочарования, не чувствовала себя в чем-то виноватой.

На душе было тяжело. А ведь сегодняшний день значился так хорошо! Позавтракала, Тоня раньше матери пошла на завод. Выйдя из поселка, она сняла туфли и побежала босиком по густой траве. Пылистая тимopheвская застала по коленным, роса замочила полдод, а ей все было ничем. Как хорошо в поле, когда восходит солнце, когда небо над тобой синее, бездонное, а воздух чист и прозрачен! И дышится легко, и на сердце радостно, и солнце бы нежаркими лучами прямо в глаза!

Работа в цеху спорилась. За два часа до конца смены Тоня выполнила задание. И брака совсем не было. Мастер участка Никифор Семенович — априори из тридцати — никаких изъянов не нашел. Он подолгу вер-

тел в руках каждую деталь, будто не верил себе. Тоня чуть не рассмеялась: ей охватываемые были у него глаза. Ей и самой не верилось. Она, Тоня Волошина, не умеющая раньше и молотом держать, то... Да еще... инструментально... цехе, где точность и аккуратность ценится выше всего.

Заместитель начальника цеха Самсонов не раз предлагал ей перейти на другую работу. Правда, на какую именно, он не говорил. Самсонов обычно подолгу задерживался возле Тонинго станка, расспрашивал, как у нее идет дела, не трудно ли ей, и под конец всегда добавлял:

— Девушка тебя, Тоня, есть другая работа... Поищи?

Девушка недоуменно пожимала плечами и молчала. Ответить что-нибудь определенное она не могла. Самсонов был впрямь перемещать людей с одного места на другое. Неужели он хочет перевести ее на более сложную операцию, может быть, дать новый станок, который недавно установили в их цехе? Если бы так! О лучшем Тоня не могла и думать. Однако Тоня сумела до него высказаться: «... было она самая умелая в цехе. Тоня казалось это явной несправедливостью, но высказаться свои сомнения Самсонову она не решилась. Ведь девушка совсем недавно пришла на завод. Она еще студентка. И... полагала Самсонова хотя и смущал ее, в какой-то мере все же были приятны.

И вот сегодня Самсонов сказал Тоне, чтобы она вышла после работы к нему в контрольную. Если мод, дело, Тоня подумала и решила, что пойдет к Самсонову вместе с Федором. Будет жить с кем посоветоваться. Если же придется задержаться, Федор проводит ее домой.

Когда смена окончилась и все изготовленные детали были сланы контрольному мастеру, Тоня подошла к Федору. Тот уже закончил уборку рабочего места и вытирал руки пакей.

— Сходим к Самсонову, — не то спросила, не то предложила Тоня.

— К Самсонову? — удивленно пересторос Куренок. — Он не звал меня!..

— Меня он звал... Понимаешь?..

Федор замолк. Уже несколько дней он чувствовал себя не в своей тарелке. Каким-то внутренним чутьем Федор догадывался, что чем-то не угодила Тоня. А Самсонов казался Федору всемогущим. Попадешь к нему в немилость — жди неприятностей. Самсонов мог снизить зарплату, мог повисеть, а от повисения ведь зависит заработок! Федору очень хотелось получить новый, хотя бы пятый разряд. И для этого, по его мнению, нужно было обязательно добиться расположения начальства. Таков, представлялось ему, единственный возможный путь к достижению цели.

Федор хорошо запомнил, как дома постоянно твердили: «Не задираться, лучше уступить! Особенно с начальством будь осторожным, оно тебе и забудет, в свое время замети!» Отец, бухгалтер лесхоза, любил повторять: «Продать лет на одном месте держу. Свой дом, какое-никакое хозяйство имею. А попробуй укажи лесничему: дескать, вы нарушаете финансовую дисциплину... потому полена дров не возьмешь... Так-то, сынок!»

И Федору изо всех сил старался угождать начальству. Тоня, конечно, девушка неплохая, она нравилась Федору. Но с ней было неспокойно. Особенно последнее время. Постоянно тревожила мысль: а вдруг он... Федору было и востроено! Вот как! Тогда, на дороге. Хорошо, что все обошлось благополучно, а могло быть иначе! Федору приревновала Тонина решительность и в то же время беспечность. Отказаться сейчас и не пойти к Самсонову вроде неудобно... Нет, Федор пойдет, но как себя вести, он знает.

Куренок продолжал тщательно вытирать руки, и Тоня азвительно заметила:

— Где ты научился время тынуть? Начиная от бровей пропитываешь маслом пакей, глубоко входишь и полдела свел за Тоню.

В чуже уже почти никого не было. Лампы дневного света излучали ровный матовый свет. Возле станков темнели горки готовых

изделий, громоздились груды поковок, посеревшая стружка.

Почти у самой конторки начальника цеха Федор задержался.

— А может быть, я... то же, не пойду?

— Не пойдешь? Как знаешь! — не оглядываясь, сердито бросила Тоня.

Самсонов, лысоватый, коренастый, сидел за трехногим столиком, пожимая перед собой руки с рукой растительностью на коротких, толстых пальцах. Увидев Тоню, он усмехнулся:

— А, пришла? Ну, садись, потолкуем...

— Спасибо, я постою.

В это время в конторку боком протиснулся Федор. Самсонов удивленно разглядел юношу, который пришел без его приглашения:

— Ты зачем здесь?

Федор смутился, он готов был уже повернуться, чтобы выйти, но Тоня задержала его:

— Это я позвала. Мы вместе домой ходим...

— Вот оно что! — усмехнулся Самсонов.

На этот раз его улыбка была какой-то неестественной, кривой. — Вот что, Волошина... решительно назвал он, — переходи к нам в контору. Место табельщика освободилось. Работа не пыльная. Чего тебе стоять возле станка?..

Самсонов полагал, что девушка обрадуется. Но Волошина ошенила. Такого она не ожидала. В контору? Табельщик? Зачем же она училась в ремесленном училище? Она коротко ответила:

— Не пойдешь!..

Самсонов чуть приподнялся из-за стола, словно хотел более внимательно разглядеть большие светлые глаза девушки, вздернутой нос, крепкие, открытые выше локтей руки.

— То есть как не пойдешь? А если... прикажу?

— Не прикажете!.. — Тоня смотрела в упор в орехово-желтые глаза Самсонова. — Нет твоего права, что в табельщика! Мы с Фелей токаря.

— Ты и права знаешь?

— Знаю... На словах Самсонова баргво вспыхнул румянец, словно его только что отхлестали по толстым щекам. Он медленно подвинул, кулаками придавил на столе бумагу.

— В цехе я хозяин и не потеряю, чтобы... И, не закончив, обратился к Федору: — Это ты ее подбав?

— Я? — У Федора был такой вид, будто его огулажили. — Да я что, я... Пусть идет... Я... знаешь...

— Что? — Тоня преврала Федора, посмотрела в его побелевшее лицо, дрожащее, пухлые, как у ребенка, губы. Ею оскорблять, а он... Ему и Тоня не жалко! Он боится Самсонова. — Нет, я не пойду в табельщика! — сказала Тоня решительно и, круто повернувшись, вышла из конторки. Тоня на ней, не забыв, однако, прикрыть за собой дверь, вышел и Куренок.

Он шагал за Тоней, не осмеливаясь сравняться с ней. Тоня на дворе он догнал ее. Федор был такого же роста, как и Тоня, но девушка стройная, тонкая в талии, а он приземистый, с короткой шеей. Они молча пошли рядом. И уже за воротами завода Тоня, до крови закусив губу, чтобы удержать слезы обиды, сказала Федору, чтобы он не проважал ее...

Домой Тоня пришла вечером. Мать уже отдыхла, и Тоня, стараясь не скрипнуть дверью, прошла на кухню, разогрела обед. Федор не стал. Она пошла за столом, пока обед снова не остыл, и ушла в спальню.

— До самого утра не смыкала глаз. Правильно она поступила с Федором! А может быть, поспенная? Но так или иначе, она все равно уже не могла относиться к нему по-прежнему, не могла считать его своим товарищем. Он не постоял за себя, не мог слова замолвить за нее! Он трус, а может быть, и не только трус? Кто бы он ни был, но он не тот, за кого она принимала его! Она не сможет с ним дружить!

Впервые в жизни Тоня всю ночь проплакала. Она плакала тихо, как плачут дети, боясь, что их услышат и накажут. Ночная мгла за окном постепенно таяла. Сквозь слезы девушка увидела первый луч солнца, пробившийся через красную занавеску в комнату.

Николай ЕФРЕМИН

КОММУНИСТ

Он в детстве вставал спозаранку. Слышала в черной забой...
Мальчишкой
С отцовской берданкой
Вступил с белками в бой.
Под Спасском
В лапу канюды
Парнишке в командовать лет
Вручил комиссар отряда
Партийный билет.

Ржавуют заморские каски
В трясине таящих болот...
С дзурькам,
Героим Спасска,
Он шпалы Турксиба кладет.
Сибирь морозное поле,
Кочовая выюга лещина,
В ладонн вросли молчанье,
Усталость стучит в висках...
Но вот безлюдные дали
Пронзая паровоза свет...
Недаром бойцу вручили
Партийный билет.

Июньским рассветом мглистым
В первый солдатских цепях
Ушел он гримать фашистов,
С синишкой простая второпых.
Он мерз
В подмосковных окопах.
Пути прегражда врагу,
Он выжил в боях жестоком.
На волжских крутом берегу,
В бою под австрийским поселком,
Взвод поднимая в штыки,
Упал он, сраженный осколком,
Возле чужой реки.
Но жизнь коммуниста-солдата
Бессмертна, юнкя ей нет.
Пронес он бесстрашно и свято
Партийный билет.

На Волгу,
Где в дымящих рунках
Метался санвиновый свист,
На первую дубку плотным
Пришел его сын — коммунист.
В грядк, как священное пламя,
Несет он мечты отца
И в жарком труде с дзурькам
Он их воплотит до конца!

Я сердцем знаю уверенно:
Прямые маната нет,
Чем в бурях,
В огне проверенный
Партийный билет.

Ростислав АРТАМОНОВ

СОВЕСТЬ

Ильич с портрета смотрит на меня.
Он знает, чем живу, чем занят я.
Глядит он мне в лицо, и каждый раз
Другим бываешь выраженные глаз.
Я совершил проступок, за который
Меня судили близкие друзья...
И я душу загнули мне с укором
Прищуренные строгие глаза:
Я отключился в очень трудном деле,
В таком большом, где отступать нельзя.
И на меня откровенно поглядели
Заблтые, добрые глаза...
Я, ко всему серьезно готовясь,
Всегда смотрю на ленинский портрет:
Что Ленин глаголом скажет мне в ответ!
Я знаю: Ленин — это наша совесть!

ПОИСКИ И ПОБЕДЫ

На заводе «Кучуку» сотни молодых рационализаторов. Вот трое из них: Юрий Корсаков, Владимир Гадзин, Михаил Богомолов.

Фото В. Савка.

На московском заводе «Кучуку» мне доводилось бывать не раз. Была я там и в дни июньского Пленума. Важнейшие проблемы, которые обсуждались в Большом Кремлевском дворце, неизменно находили горючий отклик в сердцах рабочих.

— Вот, смотрите, — развернула газету старший технолог первого цеха Римма Давыдовна Гофман. — Нинта Сергеевич сказал, что нам нужно сейчас исходить из стремительного развития науки и техники и сделать все для того, чтобы быстрее внедрить новые машины, новые приборы и приспособления... Что ж, у нас на заводе уже кое-что сделано, начало положено. И, надо сказать, большую роль тут сыграла молодежь.

Действительно, только в нынешнем году молодые рабочие, участники конкурса изобретателей и рационализаторов, внесли около шестистот предложений, на которых почти четверть было внедрено в производство. Это сэкономило заводу семьсот тысяч рублей!

Анатолий Шварц и Владимир Гадзин, бригадиры двух коллективов, соревнующихся за право называться бригадой коммунистического труда, разработали систему автоматического управления ремесными прессами. Михаил Романович Арштейн, Владимир Павлович Касаткин и Анатолий Шварц сконструировали пуловомат, вулканизующий формовые изделия. Такой пуловомат, впервые внедренный в резиновой промышленности, позволяет в два раза увеличить производительность труда, значительно облегчает труд рабочих. Комсомолец Александр Когенман разработал устройство, которое автоматически разгружает резиносмеситель. По его предложению в подготовительном цехе на всех резиносмесителях поставлены режимные часы. Они помогают точно в определенное время загрузить составные части смеси. Немало интересных рационализаторских предложений внес бригадир слесарь-монтажник, воспитанник ремесленного училища Юрий Корсаков.

— Аппаратчики не раз обращались к киповцам — работникам цеха контрольно-измерительных приборов.

— Хоть бы вы, хлопцы, придумали что-нибудь. Ну, прямо беда: скачет проклятая температура то вверх, то вниз! За день так намахается с ней, что свету не редь...

Аппаратчики были правы. Надзор за котлами требовал от рабочих постоянного напряжения, беготни. К тому же и технологи жаловались на несовершенство приборов, регулирующих температурный режим. Кучуку — капризный материал, и процесс получения его требует точной, вполне определенной температуры. Малейшее нарушение режима сказывается на качестве.

Об этом знали и мастер Владимир Гадзин, и слесарь-борщик Михаил Золотов, и слесарь-монтажник Михаил Богомолов. Эти молодые киповцы бывали в цехах не только потому, что должны были следить за эксплуатацией приборов, ремонтировать и налаживать их... Их волновали еще заводские дела, и прежде всего такой наболевший вопрос, как автоматизация и механизация технологических процессов. Уж кто-кто, а киповцы-то знали, что без автоматики невозможно высокая производительность труда!

В цехе № 1, или, как его называют на заводе, подготовительном, Михаил Золотов задерживался дольше обычного. Здесь, в подготовительном, начинается процесс получения того пластика, из которого в других цехах завода готовят различные резино-технические изделия для автомобильной, авиационной и тракторной промышленности. И вот именно здесь аппаратчики работали по старинке, с несовершенными пневморегуляторами, которые к тому же приходилось проверять с помощью обыкновенных ртутных термометров. Рабочие вынуждены были все время находиться у котлов, где жара достигает 40—45 градусов. Они поддерживали температуру в определенных границах, чтобы предупредить всплывши в котлах, окисление каучука... И все-таки каучук окислялся, шел в брак, его уже нельзя было использовать по прямому назначению.

А при всплывших пластикат растеклся по котлу и так затвердел, что его приходилось

вырубить. Не говоря уже о потерях времени, при чистке котлов аппаратчики часто вывалили их из строя, разрушая обогревательную систему или другие устройства.

— Как устроить эти котлы, чтобы не приходилось раз спрашивать себя Михаил и не находил ответа. Но не в его характере было отсутствовать...

Золотов решил посоветоваться со своими товарищами по бригаде — Владимиром Гадзином и Михаилом Богомоловым. Оба были опытными рационализаторами, квалифицированными рабочими, известными всему заводу.

— Осанить котлы автоматикой — дело очень нужное, — сказал Владимир. — Что ж, попробем набросать схему...

Оставшись после смены в цехе, друзья уединились в одной из комнат. На столе появились лист бумаги с эскизом котла. Начались поиски схемы... И вот внутри котла вдоль его стенок легли металлические рельсы, на которые с помощью тележки должны были выкатываться противни с каучуковой пластиной. Тут же сплывало обозначился электрический обогрев. На специальном щите, рядом с приборами, показывающими температуру, появился «ЭИФ-6» — командный электромагнитный прибор. Он-то и должен был автоматически включать и выключать котел.

Но одно дело — набросать схему, другое — превратить ее в жизнь. Трудности начались с той поры, когда бригада, продвигая все необходимые монтажные работы, приступила к испытаниям. Долгое время никак не удавалось наладить контакт между потенциометрами и обогревательной системой котлов. Приборы работали нечетко.

— Не поставив ли менее чувствительные приборы? — предложил друзьям Михаил.

— Давайте попробуем.

Вместо потенциометра взяли более простое устройство — милливольтметр. Но и это не дало существенных результатов. Другая модель продвинула тридцать экспериментов, но удача не приходила.

Однажды, когда, казалось бы, все уже было испытано, Владимир Гадзин стал еще раз осматривать прибор. Он что-то увидел. Оказалось, что котел и его обогревательная система представляют собой больших магнитное поле.

— Вот! — сказал Владимир. — Это поле и создает колебания в приборе. Все ясно.

— Что ты предлагаешь сделать? — спросил Богомолов.

— Заменить проводку термометры. Нужны провода из металлической оплетки.

Через несколько дней, когда сменили проводку, приборы начали работать нормально. Цель была достигнута.

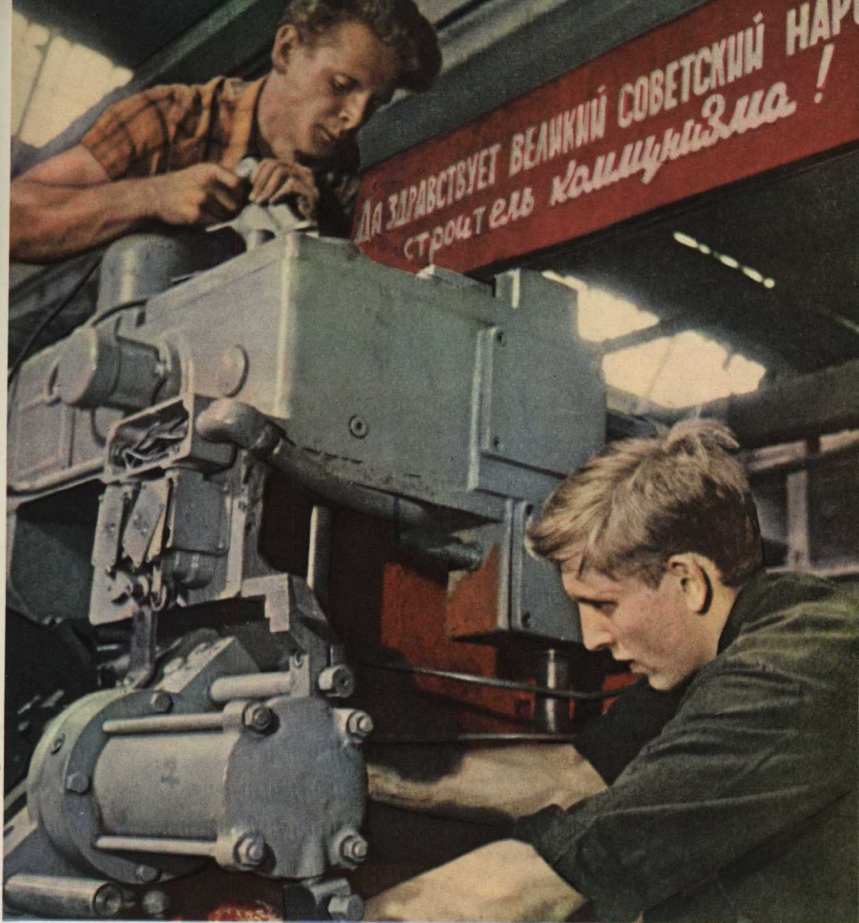
Первое время некоторые рабочие скептически относились к усовершенствованию молодых рационализаторов. Они не верили, что прибор может заменить их умелые, сильные руки, наметанный, зоркий глаз, выработанные годами профессиональное чутье. Но им пришлось изменить свое отношение к работникам автоматики были очевидны. И когда однажды вышел из строя один потенциометр и пришлось снова работать на ртутных термометрах, старший надирный рабочий Сергей Петрович Воронков то и дело обращался к рационализаторам:

— Скоро вы наладите свою автоматику! Трудно без нее...

Усовершенствование, сделанное молодыми новаторами завода «Кучуку» Михаилом Золотовым, Владимиром Гадзином и Михаилом Богомоловым, уже дало свои результаты. Лихвидирован брак, улучшилось качество пластика, значительно увеличился труд рабочих, увеличилась производительность на одну варку в смену.

«Кучуку» — один из многих тысяч заводов страны, а то, что сделали три молодых парней из цеха контрольно-измерительных приборов, — лишь небольшая часть тех больших и малых дел, которые уже свершены на заводах в первом году семилетия. Какой же огромный вклад способна внести многочисленная советская молодежь в наше общее великое дело — построение коммунистического общества!

Л. БРОДСКАЯ

Люди создают автоматы

Фото Г. Дубинского.

Июньский Пленум ЦК КПСС намечил боевую программу внедрения в народное хозяйство новейшей техники — автоматы и автоматических линий, совершенных механизмов, станков, агрегатов. Выполнение этой программы — дело всего народа, и в первую очередь молодых строителей коммунизма.

Ленинский комсомол — многомиллионная армия трудолюбивых, бесстрашных, настойчивых юношей и девушек на заводах, фабриках, в научных институтах, конструкторских бюро и лабораториях — включился в погоню за техническим прогрессом.

...Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе — одно из крупнейших предприятий страны, которое выпускает высочайшего качества оборудование. Здесь создают автоматические линии и агрегатные станки. Отсюда отправляются они по самым разным адресам, на десятки больших и малых заводов страны.

Открытие июньского Пленума ЦК КПСС коллектив Московского станкостроительного встретил хорошим подарком: страна получила 30 агрегатных станков, 7 автоматических линий.

Сейчас коллектив завода живет напряженной жизнью. Молодые станкостроители включились в борьбу за досрочное выполнение заданий первого года семилетия, за высокое качество, за часть заводской марии. Сотни рационализаторов и изобретателей — комсомольцев завода вносят улучшения в технологию производства.

Люди создают автоматы. Выпуску совершенного, новейшего оборудования молодежь завода отдает все силы. Молодежь знает: в нашем обществе механизация и автоматизация — это основной путь облегчения и оережного изменения характера труда миллионов людей, повышения его производительности, создания условий для сокращения продолжительности рабочего дня и ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом.

Этот снимок сделан в цехе № 17, где завершается технологический процесс создания автоматической линии. Слесари-регулирующие цеха комсомольцы Леонид Нукушин и Анатолий Седов заканчивают сборку агрегатного станка. Скоро еще одна новая линия будет отправлена заводу-заказчику!

Т. Салахов. С вахты.

В. Кузьмин. В Дудинском порту.

Завтра лучше, чем сегодня

Рассказ о том, как молодежь Подмосквья догоняет и перегоняет Америку в экономическом соревновании

«...Гигантский труд советского народа, идущего по ленинскому пути, поднял нашу страну на такую высоту, что она может теперь успешно соревноваться в экономическом отношении с США, ацилировать это соревнование и оставить позади ведущую капиталистическую державу...»

(Из резолюции XXI съезда КПСС.)

«АГРЕГАТ 30-102»

...Что это за люди?
Кто их Какая заплата!
И так в работу вливали!

В. Маяковский.

Инженер конструкторского бюро Электростальского завода тяжелого машиностроения Владимир Бедняков едва успевал после работы взглянуть домой; переодевшись, он бежал к вокзалу, на электричку. Он так привык к этим пробоям, что даже перестал отвечать на шутки товарищей: «Молодец, Володя! Старайся!». Братья Знаменские бежали каждый день из Тарасовки в Москву. Может, и ты...»

А ездить в Москву Беднякову приходилось часто. Во-первых, он заканчивал вечерний машиностроительный институт, и ему нужно было консультироваться с преподавателями. Во-вторых, в научном зале Государственной библиотеки имени Ленина молодой инженер постоянно заказывал и внимательно просматривал информационные бюллетени зарубежных машиностроительных компаний. Библиографы уже привыкли к ллечистому широколобому парню, который всегда долго задерживался и выписывал в блокнот все характеристики трубопрокатных станов американской фирмы «Лорейн».

От Электростали до Москвы поезд идет около полутора часов. Мысли Владимира снова и снова возвращались к одному — к новому трубоному стану.

Это был стан-великан! На площади предназначенной для него цеха разместились бы пять футбольных полей стадиона «Динамо». В конструкторском бюро его называли «Агрегат 30-102», потому что новый стан должен выпускать стальные трубы диаметром от тридцати до ста двух миллиметров. Этот гигантский агрегат сможет обслужить всего восемь человек: весь технологический процесс прокатки труб полностью автоматизируется.

Один такой стан способен полностью обеспечить нужды народного хозяйства в стальных трубах малых диаметров. Где только не найдет себе применения его продукция: в котельных установках, на нефтеперерабатывающих заводах, при геологоразведочных работах!.

В памяти Владимира всплыл день, когда его назначили ведущим конструктором проекта «Агрегата 30-102». Руководитель завода не побоялся доверить такое ответственное задание Владимиру Беднякову. После окончания машиностроительного техникума он несколько лет работал в цехе и в конструкторском отделе, принимал участие в проектировании прокатных станов.

Практического опыта у молодого конструктора было достаточно, но все же, когда он попробовал оценить трудности, которые могут встретиться при проектировании нового стана, ему стало не по себе... Поздно вечером, листая американский информационный бюллетень в библиотеке, он записал: «Автоматизированный трубный стан, построенный на заводе «Лорейн», считается самым мощным в мире. Но его производительность значительно меньше, чем у «Агрегата 30-102». К тому же скорость прокатки труб на нашем стане равна двенадцати метрам в секунду, а на американском — семи...»

Но как добиться такой высокой скорости? Как!.. Больше года пришлось конструкторам

Ведущий конструктор «Агрегата 30-102» Владимир Бедняков.

Фото Г. Дубинского.

трудиться, решая эту задачу. Ведь повышенная скорость долгов время была тем «барьером», через который нелегко перешагнуть... Проектировщики убедились, что трубы, движущиеся с высокой скоростью, неизбежно сталкиваются при выходе из стана и «сминаются». Необходимо было создать выбрасыватель нового типа, способный равномерно распределить трубы на поверхности охлаждающего стола. Испробовали десятки различных вариантов, но все они оказались несовершенными.

Когда сроки проектирования приближались к концу, оставался, казалось, единственный выход: уменьшить скорость прокатки, а следовательно, понизить производительность стана. Разумеется, это можно было сделать, но всякий раз Владимир Бедняков останавливал себя: «Подожди! Подумай еще... Думай!»

И он думал, упорно и долго, стараясь даже дома использовать каждую свободную минуту. Вставал на рассвете, стараясь не разбудить жену, тихо одевался и садился к столу. В тишине едва слышно шуршала металлический движок счетной линейки, и на бумаге постепенно вырисовывались контуры будущих конструкций...

Невеселое настроение было в те дни у проектировщиков. В конструкторском зале на эту тему ставились не разговаривать. Собирались по двое, по трое, объясняли больше рывками, понимая друг друга с полуслова. К тому же молчание в конструкторском зале было законом. Ведь, работая, проектировщик полностью уходит в себя. Думая о новой конструкции, инженер не хочет говорить о посторонних вещах. Каждая новая линия в чертеже возбуждает в нем такое же волнение, какое испытывает поэт...

Помощь пришла неожиданно. Молодой инженер находящегося по соседству конструкторского бюро транспортных устройств А. И. Пантелеев и начальник бюро В. Г. Мусавев поделились с товарищами оригинальной идеей. Они не только изменили конструкцию выбрасывателя, но и решили по-новому расположить его на выходной стороне стана: не совмещать выбрасыватель с плоскостью движения трубы (как в американском станке), а поместить его значительно ниже.

— Тогда труба, вылетающая на стана на большой скорости,— пояснил Мусавев,— некоторое время будет двигаться по инерции, а затем опустится на многожелобковый вращающийся выбрасыватель и тихо скатится на плоскость охлаждающего стола.

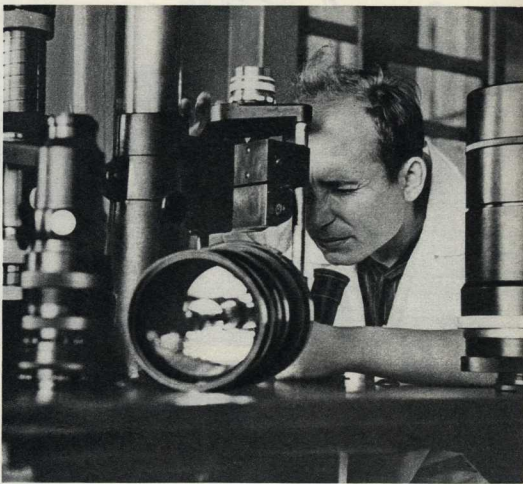
Во время испытания нового выбрасывателя все с трепетом ждали, как поведет себя труба, падая на охлаждаемый стол с большой скоростью. Ведь раскаленный металл очень плохо выдержит ли по повышенной нагрузке? Но оказалось, что при высокой скорости движения трубы приземляются даже мыщ, чем при малых скоростях. Во время испытаний ни одна из труб не заклинилась на выходной стороне стана.

Так соревнование с американскими конструкторами заветростальским инженером удалось преодолеть «скоростной барьер» прокатного стана. Они достигли невиданной производительности. Владимир Бедняков мог бы рассказать, сколько интереснейших и важных изменений внес он в проект «Аргата 30-102». По его предложению усовершенствовали приемное устройство стана, облегчающее четкое регулирование размеров труб. Он теоретически обосновал и изменил угол наклона прокатной ванны, «Аргата 30-102». Владимир проводил их за другой проплавляющие платформы с надписью «выпеченной мелом: «Москва—Первоуральск».

Бедняков вышел в тамбур и открыл дверь. На платформах, обитые досками, бвелись датчиковые валки «Аргата 30-102». Владимир проводил их взглядом. Готовое оборудование стана, сделанное по его чертежам, отправляли на Уральский трубный завод. Теперь сложнейший стан-гигант казался всего лишь длинным рядом простых конструкций...

Состав уходил все дальше, Владимир вернулся в вагон. Он вытаскил из кармана записную книжку и открыл чистую страничку, «в конструкторском бюро начали работу над автоматизируемым станом лентной сварки труб» — записал Владимир — «производительность — 250 тысяч тонн газовых труб». Это выходя в мире производительность. Удастся ли сделать ее еще более высокой?..

Поезд подходил к Москве...

«А нельзя ли автоматизировать операции сборки фотообъективов? — в сотый раз спрашивает себя технолог Виктор Вдовин.»

ТВОРЦЫ «СУБЪЕКТИВНЫХ ОБЪЕКТИВОВ»

...К таким не подоидеть с американской мерой, Их не сообразит ни долларом, ни гривною. В. Малюков и Я.

У Молодого технолога Красногорского механического завода Виктора Вдовина стоит на столе фотография. На первый взгляд в ней нет ничего примечательного. На снимке отчетливо вырисовываются контуры здания Отделного государственного университета на Ленинских горах. Можно даже соизмерить время, показываемое башенными часами...

Казалось бы, самая обычная фотография. Но в том-то и дело, что не совсем обычная.

Когда выясняется, что снимок Московского университета сделан из окна Красногорского завода, на расстоянии свыше двадцати километров, поражаешься замечательным возможностям нового фотообъектива. Этот объектив, собранный комсомольцами бригады, где работает Виктор Вдовин, недаром получил название «субъективного»: он обладает своим особым «взглядом», и сделанные им фотографии можно узнать среди тысяч других. На Брюссельской выставке жюри единодушно присудило ему «Гран-при» — высший приз. Советский фотообъектив оказался лучше всех других, представленных торговыми фирмами Европы и Америки.

Какими же особенностями отличаются «субъективные объективы»?

Вот, например, фотообъектив «МИР». Он мал по размеру, а угол поля зрения в нем достигает шестидесяти градусов. Разрешающая способность нового объектива, то есть работа мельчайших деталей на поле снимка, намного выше, чем всех предшествующих образцов. Намного лучше своих предшественников и фотообъективы «МТО», «ТАИР», «МР».

Теперь, когда на Красногорский завод поступают многочисленные хвалебные отзывы со всех концов земного шара, в цехе фотообъективов относится к этому спокойно. В цеховом журнале, выходящем из года в год, не было даже отмечено такое выдающееся событие, как присуждение высшей мировой премии фотообъективам «МИР», «МТО», «ТАИР» и «МР»...

Здесь не принято говорить об успехах, достигнутых в результате неутомимых поисков и бесчисленных «счастливых экспериментов». Но когда на заводе рассказывают о том, как создавались «субъективные объективы», все называют имя технолога Виктора Григорьевича Вдовина. Впрочем, еще год назад в цехе не было такого технолога, а был простой парень, сборщик Витя Вдовин, студент вечернего отделения Красногорского механического техникума.

Глядя, как быстро и ловко собирает он сложнейший объектив, начальник цеха Сергей Васильевич Кузнецов не раз говорит: «Предначинно работает парень, самолюбивый!»

Действительно, во время работы Виктор забывал обо всем. Рабочий день пролетал для него незаметно. Еще в детстве он горячо увлекался фотографией, изучил все существующие системы объективов и в цех сборки пришел не в результате «сложнейших жизненных обстоятельств», а по призванию...

Рассказывая об истории создания новой фототехники, Виктор Вдовин говорит: «Без трудностей, конечно, не обошлось. Много пришлось поработать, пока мы сами

«ОБЫКНОВЕННЫЙ ГИГАНТ»

не сказали «годится» очередной партии объективов. Малейшее дело — довести козы объектива до нужной степени точности. А точность в оптике — самое главное...

Правда, Виктор забывает при этом упомянуть, что в разгар освоения объектива «ТАИР» сборщики обнаружили серьезный конструктивный недостаток: плохо действовала переходная оправа, влияющая на фокусировку кадра. А между тем до открытия Брюссельской выставки, на которую в числе прочих объективов пошли: отправить «ТАИР», оставались считанные дни. Вся партия могла оказаться забракованной. Виктор Вдовин вместе с товарищами до поздней ночи засиживался в цехе. Он что-то чертил и лихорадочно подсчитывал результаты на логарифмической линейке. А через три дня принес в конструкторское бюро чертежи новой переходной оправы с иной, оригинальной формой резьбы. Эта оправа действовала безотказно. Объектив изготовили в срок и включили в комплект, отправляемый на Брюссельскую выставку.

...Сложен и кропотлив труд сборщиков-механиков. Их работа под стать ювелирной: ведь каждый объектив состоит из огромного числа мелких деталей. Не случайно первую партию фотообъективов для аппарата «Старт» освои-

На этом конвейере проходит сборка фотообъективов.

вали самые квалифицированные сборщики завода Герман Беве и Леонид Савельев. Но сегодня рядом с ними работают девятнадцатилетние комсомолки, сборщицы Аня Пущикова и Раа Титова. Не так давно пришли девушки в цех после окончания Красногорского механического техникума. Обе решили первое время потрудиться на рабочих местах, чтобы в совершенстве изучить производство. Знания, полученные в техникуме, помогли им в короткий срок овладеть профессией сборщицы. Сейчас девушки собирают новые фотообъективы ничуть не хуже опытных механиков. Аня и Раа уже не раз предлагали перейти на работу в заводское конструкторское бюро, но они упростили начальника цеха оставить их на сборочном участке.

— Но ведь в конструкторском бюро,— говорят им,— и работа легче и зарплата выше! — Разве в этом дело! — удивлялись девушки. — Здесь, в цехе, совсем другое чувство испытываешь...

Да, как титан не подошел с американской маркой!

Когда, демобилизовавшись из армии, Григорий Жердев поступил на Подольский завод имени Орджоникидзе, он не удивился, узнав, что высота котлов, изготавливаемых для тепловых электростанций, превышает пятиэтажный дом. Вышемо парашютная высота каззета «детская». Он долго ходил по заводскому двору, внимательно разглядывая оборудование котлов: причудливо изогнутые балки, стальные литые и тысячи труб... Все это ждало отправку на электростанции в разные города Советского Союза, где монтажники будут собирать прямоугольные котлы-гиганты.

Товарищи сказали Григорию, что одним труб для котла нужно столько, что, если уложить их в один ряд, они протянутся от Подольска до Ленинграда. Жердев изумленно анул и долго с интересом рассматривал тонкую металлическую трубу, согнутую на специальном станке. Быть может, из любопытства он попросил сформировать его избышком труб.

Прошел год. Григорий Жердев стал одним из лучших рабочих. Однажды начальник цеха вызвал Григория и сказал, что ему поручают изготовить трубы для модели котла «ПК-33», отправляемой на Брюссельскую выставку. Сроки были установлены жесткие. И тогда, присматриваясь к технологическому процессу гибки труб, Григорий заметил одну особенность его изготовления. Заготовки труб нарезались с большим предварительным «припуском», затем их гнули на станке и лишь после этого сплющивали до требуемой величины. Получалось много отходов, и сотни килограммов ценного металла пропадали зря. На производственном совещании Жердев предложил сразу же резать трубы до нужных размеров, а потом уже гнуть. Попробовали — получилось. В результате сэкономил много металла и освободил резчиков от ненужной операции. Производительность цеха nämlich увеличилась, и важный заказ был выполнен в срок. Сейчас так работает не только Жердев, но и другие гибщики.

А через несколько месяцев Григорий узнал, что модель котла «ПК-33» удостоена на Брюссельской выставке высшей награды — «Гран-при». Ни один из котлов зарубежных стран не мог конкурировать с подольским гигантом, а его конструктивные особенности приводили в восторг посетителей выставки. Котлы американских заводов не были даже отмечены членами жюри. ...Вместе с другими работниками завода Григорий поздравил ведущего конструктора котла «ПК-33» З. Г. Моделя. Опытный инженер поблагодарил молодого рабочего за ценное усовершенствование технологии гибки труб. Ведь эти трубы должны выдерживать температуру более 500 градусов и давление 270 атмосфер!

— Но особенность котла не только в его огромной мощности,— сказал З. Г. Модель, обращаясь к рабочим.— Конструкторы нашего завода при участии московского отделения Центрального котлотур-

бинного института применили в нем ряд смелых нововведений, отсутствующих на американских котлах. Целую, например, рассчитал и спроектировал подвесную экранную систему, которая экономит большое количество обмуровочных материалов. Алзен сконструировала оригинальные опорные детали. По-новому решена и конструкция пароперегревателя. В проектировании котла участвовало много людей специалистов, комсомольцев, и работали они с подлинным энтузиазмом...

...Недавно на Подольском заводе имени Орджоникидзе организован отдел перспективного проектирования. Это название говорит само за себя! Новые, еще более высокие параметры пара, новые мощности, значительно превышающие показатели лучшего в мире котла «ПК-33», — вот над чем работают сегодня конструкторы отдела перспективного проектирования. Подольские инженеры задумали в ближайшее время создать котел еще более мощный, чем гигант «ПК-33».

Пожелаем им успеха!

Инженер А. МИЛЬЧАКОВ

— Один такой стан-автомат способен заменить труд рабочих целого цеха! — говорит Григорий Жердев, управляя процессом гибки тонких труб.

БЕРЛИН

РИСУНКИ НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖНИЦЫ

**БЕРЛИН,
Восточный вокзал...**

Восточный вокзал — самый большой в демократическом секторе Берлина. Под его гулкими сводами в сутки проходит до восьмидесяти пассажирских составов. Это экспрессы и скорые поезда, прибывающие из Москвы, Варшавы, Праги, Вены, Будапешта. Несмотря на большую загруженность станции, график движения соблюдается здесь с исключительной точностью. Такая четкая, бесперебойная работа достигнута благодаря самоотверженному труду дружного коллектива железнодорожников. Особенно хорошо проявляет себя молодежь. Юноши и девушки соревнуются между собой не только за безаварийную работу, но и за экономно народные средства.

...Мы сидим с бригадиром лучшей молодежной бригады Лотаром Нейбауэром в маленьком

скверике, который железнодорожники называют «козисом». Сюда доносятся басовитые гудки локомотивов, приглушенный стук колес... Лотар с увлечением рассказывает мне о своей бригаде, которая вот уже больше года борется за право называться бригадой социалистического труда. Лотар и его товарищи с частотой запылиют азарты на себя обязательств. Все они добровольно отработали в пользу государства 650 часов. Это составило сумму, равную стоимости двух локомотивов! Таких замечательных труженников на Восточном вокзале много.

На прощание Лотар Нейбауэр говорит, что он и его друзья переплываються с одной из молодежных бригад Белорусского вокзала в Москве. Молодые железнодорожники обмениваются опытом, учатся друг у друга.

Ну что ж, от души хочется пожелать им новых трудовых успехов. Пусть поезда мира и дружбы всегда прибывают в Москву и Берлин без опоздания!

Лотар Нейбауэр, бригадир молодежной бригады.

Идет погрузка продуктов для вагон-ресторана двухэтажного экспресса.

Это он, Хорст Денцер, писал работникам Белорусского вокзала: «...Мы трудимся дружно, всегда помогаем друг другу...»

МОСКВА

НИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ КЛЮЧЕВНОЙ

Стрелочник Анна-Мария Майер.

А эта девушка — дежурный по станции Ингрид Ликтенберг.

Через несколько минут экспресс отправится в Лейпциг...

**МОСКВА,
Белорусский вокзал...**

Только что прибыл берлинский экспресс, и сотни пассажиров высыпали на при вокзальную площадь, залитую ярким июньским солнцем.

Много забот у дежурного по вокзалу, когда прибывает поезд дальнего следования, но Александр Усанов, передав на несколько минут свои полномочия помощнику, охотно ответил на наши вопросы.

— Вы пришли в радостный для нас день, — сказал он с улыбкой. — Посмотрите, на наших путях нет больше ни одного паровоза. Стрельне здесь будут курсировать одни лишь тепловозы и электровозы. Претворяются в жизнь исторические решения Двадцать первого съезда партии.

Коллектив вокзала охвачен сейчас большим трудовым подъемом. Близится наш праздник — Всесоюзный день железнодорожника, и каждый стремится достойно отметить эту дату. В первых рядах соревнующихся за высокие звания ударника коммунистического труда идет молодежь. Следуя примеру коммунистов, отличных показателей добились старший стрелочник секретарь комитета ВЛКСМ Роза Карлова, составитель поезда Анатолий Михеев, перронный контролер Зинаида Климанова, дежурный по залу Лидия Баларева...

В заключение Александр Усанов показал нам письмо из Германской Демократической Республики. Работники берлинского вокзала поздравляли своих советских друзей с Всесоюзным днем железнодорожника и желали им новых трудовых удач.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

Алла Гавриленко в роли Мавки (балет «Лесная песня»).

Киев — город театралный. Когда знакомится с репертуаром его театров, глаза разбегаются, возникает вопрос: куда пойти, а что выбрать. Хочется побывать и в Театре оперы и балета имени Шевченко, и в Украинском драматическом театре имени Леси Украинки, и в оперетте...

Привлекает не только репертуар, но и имена исполнителей. Многие из киевских артистов известны далеко за пределами страны. Среди них и мастера старшего поколения и талантливая молодежь.

Потому в первый же свободный вечер мы ринулись попасть в театр.

До начала спектакля остались считанные минуты, выбирать

было поздно, и мы направились в расположенный поблизости от го-
сударственный Русский драматический театр. У театрального подъезда было пусто. Мы с огорчением подумали, что уже опоздали, но, раскрыв двери, услышали звонки, приглашающие в зрительный зал. Билеты в кассе оказались сколько угодно. Неволью вспомнил, как три года назад, в преддверье наше посещение, зрители, жаждавшие попасть на спектакль, за квартал арестовали проложившуюся просьбой уступить «лишних билетов»; войти в подъезд театра было так же трудно, как протиснуться к выходу в переполненном трамвае, в добе гудела народная, возбужденная толпа, и переполненный зрительный зал празднично сверкал. Но все это было три года назад...

Взвешивая занавес — и мы увидели на сцене героя пьесы Марка Соболья «Товарищи романтики». Спектакль шел ровно, актеры профессионально вели свои роли, а ирравная Лена Ивановна студентка театрального института А. Гоговцева подкупала своим обаянием и непосредственностью. Со сцены звучали патетические стихи, по ходу событий возникали драматические ситуации, но за весь вечер по зрительному залу так и не пробежала та искра, которая обожгла бы сердце и заставляла волноваться...

Не скрою, с досадным чувством разочарования возвращались мы со спектакля.

Общезвестно, что многие теат-

ры не делают сейчас полных сборов. Таковы уже предположения, что Малую участь и всех киевских театров. Поэтому, решив на следующий день посмотреть балет «Лесная песня», о билетах не беспокоились. И, как выяснилось, напрасно. Купить билеты в Театр оперы и балета оказалось невозможно. Мы долго толкались в густой толпе, жаждавшей лишнего билета... Это было тем более поразительно, что одну из центральных партий, Мавку, танцевала балетница Алла Гавриленко... Администратор театра А. Е. Нездвизкий, к которому нам пришлось обратиться, наистинно заметил: «Начего тут возмущаться? Нет, просто вы плохо знаете, как нам успехом пользуются наша молодежь».

ДЕЮТ — ЭТО ПРАЗДНИК

Деют в республиканском Академическом театре оперы и балета — не только знаменательный день в жизни молодого актера, это праздник всего творческого коллектива. Более того, этот праздник для артистов, театр уже хорошо знающих, какую одаренную молодежь воспитывает и выдвигает здесь.

Перед началом спектакля парад та приподнятой атмосфера, которая обычно чувствуется в день премьеры. Все места зрительного зала были заняты. Выступлению юной дебютантки ждали не только зрители, а артисты, театр уже хорошо знающих, какую одаренную молодежь воспитывает и выдвигает здесь.

Перед началом спектакля парад та приподнятой атмосфера, которая обычно чувствуется в день премьеры. Все места зрительного зала были заняты. Выступлению юной дебютантки ждали не только зрители, а артисты, театр уже хорошо знающих, какую одаренную молодежь воспитывает и выдвигает здесь.

БОЛЬШАЯ ХИМИЯ

(Окончание. Начало см. на стр. 2).

Тамара сидит неподдалу от Володи Скверкина и сбивчиво рассказывает о себе. Она торопится, боится, очевидно, что ее опять недоуслушат.

Странно: никто из штаба не пройдет мимо брошенного под ноги кирпича, погнутой арматуры, пролитого бетонного раствора — поднимут тревогу, организуют рейд, срочно выступят «коллектив». А тут ходит человек, просит обучить профессии, и никто его не замечает. Никого не беспокоит, останется Тамара на стройке или уедет домой.

Штаб шлет десятки деловых писем с просьбой выслать спецдокумент, дефицитные материалы, оборудование... Разумеется, это очень важно и нужно. Но разве это все! Почему бы членом штаба не рассказать родителям Лиды и Вали Стрелковых, как работают их дочери на стройке, как участв? Газете плохо было бы установить связь с нимбаевской школой № 16, которая прислала на стройку восемь комсомольцев из одного выпускного класса?

Мы сидим с членами бригады Розы Мурзавильдиной очень долго, говорим о вещах, которые могут показаться мелочными, стоящими внимания штаба,—о том, где они обе-

дают, какие обновки себе сшили, что читают. Но мелочи ли это?

— Вы сейчас на автобус — спрашиваю я у Леск Хакимовой, зная, что общественке ее далеко.

— Нет, я пешком!

— После работы!

Возвращается невольное молчание.

— Видите ли, — смущенно говорит Роза, — у нее нет денег на автобус!

И вот выясняется: неделю назад Аса получила аванс и почти целиком потратила его на отрез для платья.

Неумение расходовать заработанные деньги свойственно многим молодым работкам. Да и понятия: каждый из них впервые ведет свое маленькое хозяйство самостоятельно, и трудно порой соразмерить свои желания. А в результате есть иррегулярное платье и нетруднаты изюм на автобус!

— А как вы питаетесь? — интересуется Володя Скверкин.

— Как придется. Кто в общежитии готовит себе, кто в столовой обедает.

— А не лучше ли жить коммуналь, как жили мы в студенческое общежитие?

Володя вспоминает, какой стройный был у них казначей. Как безжалостно трывал он со всех членов коммуны сто рублей на харч в день стипендии, как создал он свою «сберкассу», которая посылала им листки посылочно приобретать вещи, книги, ходить в театр...

и радость, борющиеся против сил зла и мрака, — такой пафос произведения Леси Украинки, позволяющий создать прекрасные музыкальный и поэтический спектакль, Балетмейстер В. Вронского можно препекуть, пожалуй, лишь в том, что в спектакле несколько ослаблено творческое воздействие Мавки да статично решена финальная сцена.

Партия Мавки, на наш взгляд, — одна из самых трудных танцевальных партий. Ее мало хоронят ставить. Мавку, олицетворяющую любовь и весну, надо выразительно сыграть. И Алла Гавриленко не только великолепно танцевала в эту ночь, но и великолепно выступила в первом переполненном. Поначалу она заметно волновалась, в первом акте от волнения даже уняла, но во втором обрела уверенность и до конца спектакля жила образом Мавки.

Первое выступление артиста в ответственной роли — это суровый экзамен. В дебютном спектакле расширяется творческий диапазон актера, но и результаты достигают лет обучения, каждодневной и упорной работы над данной партией, ее осмысления, живления в образ. Дебют должен быть рождением не только актерскую судьбу Аллы Гавриленко, но и судьбу новой Мавки: сумеет ли она утвердиться сама на сцене рядом с уже ранее созданными Мавками, которых давно и с успехом танцуют заслуженные артистки республики Елена и Валентина Потаповы, Евгения Ершова? Зрители горячо приняли Аллу Гавриленко, но ожидание спектакля было кратко выжидательным, на сцене появились цветы. А потом состоялось дружеское чествование дебютантки, в подготовке которого самое деятельное участие приняла комсомольская организация. Зрители оценивали не только коллег Аллы Гавриленко, но и ее родственника.

Так рождение актрисы стало заметным и радостным событием в жизни всего коллектива, а может быть, даже и в театральной жизни Киева. Дебют — явление не такое уж частое, и нам просто повезло попасть на спектакль, в котором впервые танцевала Алла

— Мелпохо бы и нам такую коммуни организацию — говорит Роза. И становится жаль, что при этом разговоре присутствовало десять человек, а не двадцать комсомольцев и сельхозных молодежников общественной стройки.

Получилось так, что вся деятельность штаба и трестовской комсомольской организации ограничивается строительной и производственной делами. А ведь и комсомольская организация — она несет не только первый трудовой удар, но и первую боль, и первую ссору, и первый прогнул. Сколько тем для больших бед, встреч, разговоров!

* * *

Поезд уходит ночью. Нескончившей веренице бегут по кантовой дороге к вершине Шах-тау маленькие, юркие вагончики; гора щедро отдает людям все то, что веками берегла в своих недрах... Мимо проплывают кварталы Стерлитамака, и долго еще видны в ночи огни заводской. Молодые, смелые парни и девушки, пригнавшие на Башкирскую землю по комсомольским путевкам, воздавая том своим крепким руками зовед большой земли. Они творят легенду — приращую легенду наших дней о людях, обильно ищущих, строящих светлое здание коммунизма.

Г. Стерлитамак,
Башкирская АССР.

Гавриленко. Когда мы потом разговаривали по этому поводу с директором театра В. П. Гонгарем, он рассказывал о том, как вела в спектакли молодые актеры на 1959 и даже 1960 годы. К ответственным выступлениям на сцене театра готовятся не только молодые артисты, но даже студенты консерватории, зачисленные в стажерскую группу. Когда они придут в труппу театра, им не придется годами дожидаться счастливого случая, чтобы выступить в большой роли.

ДВЕРИ ВСЕГДА ОТКРЫТЫ

Зачислить в труппу молодого артиста не всегда легко. В театре, как и во всяком учреждении, существует жесткое штатное расписание. Ну, а как быть, скажем, в том случае, если порог переступил молодой, очень способный артист? — Двери нашего театра для одаренного человека широко открыты, говорит В. П. Гонгарь.

И действительно, двери всегда приветливо встречают новичков. Руководство театра и артисты — частые посетители студийных спектаклей студентов консерватории. Зорко подмечают они юные таланты. Но бывает и так, что кое-кто выпадает из поля зрения. Что же, не беда: ведь в театр всегда можно прийти и повторно, чтобы прослушались С подобными просьбами в дирекцию обращается часто. Пришел в театр как-то высокий и никому не известный юноша. Занеся в подвале портфель, чтобы его прослушали. Голос у юноши оказался превосходный. Его сразу же решили зачислить в труппу. Но выяснилось, что юноша еще год предстоит учиться в консерватории. Тогда его оформили в стажерскую группу, а после получения диплома он стал артистом театра. Так пришел в коллектив обладатель не менее баса Александра Челюк-Заграя.

Менее года он в театре, но уже шел и в «Рождественской ночи» Лисенко, и в «Богдане Хмельницком» Давыденко, и в «Бое на мигре» Прокофьева, и в «Уроженцы строптивой» Шубалина. А сейчас молодой певец разучивает заглав-

ную партию в опере Лисенко «Тарас Бульба», готовится спеть Коначка и Гренина. В артистическом коллективе ему пробит большое будущее.

Примечательная сущая Саша Челюк-Заграя.

— Не знаю, были ли у нас в роду артисты, но вторая половина моей фамилии указывает на то, что кто-то из моих предков не лишен был слуха... улыбаясь, говорит Саша.

Стать артистом Саша не собирался. Родителям его — рабоче-железнодорожнику. В детстве он немного играл на гитаре. Окончив семь классов, поступил в фельдшерскую школу. Хотел стать лекарем. В школе партия втянула в самодельный хор. Пел ди-джембо, а потом вдруг неожиданно у него пропало бас.

— Но ничего это в моей судьбе пока еще не меняло, — вспоминает Саша. — Однажды хор, в котором я пел, выступил в дипломатическом Доме культуры железнодорожников. На этом-то концерте я и зашел впервые в полную силу голоса и доверился все басы хору. Дирижер был очень недоволен. Я сильно расстроился и ждал разговора. Но за кулисы неожиданно пришла педагог местного музыкального училища и стала горячо убеждать в том, что мне необходимо серьезно заниматься пением. И, уже заканчивая фельдшерскую школу, я одновременно посещал музыкальное училище. Вскоре меня приняли в Киевскую консерваторию, где я учился у народного артиста СССР И. С. Патожинского.

Так сложилась судьба не только у Александра Челюк-Заграя. Девочкой из Кировых сапогаз и форме ремесленного училища многие помнят еще Евгению Мирошниченко. Робким подростком прислала она из колхозного села в Киев и стала спелыми четвертого разряда. У нее оказался сильный и красивый голос. Дарование Женя не только вовремя применило, но ему помогли скрупулезно и развить. И теперь Евгения Мирошниченко — одна из ведущих певиц Киевского театра оперы и балета.

Мы рассказали лишь о судьбах двух певцов, но примерно такой же путь прошли Белла Руденко и Андрей Кютов, Владимир Тимохин и Зоя Христин и многие другие молодые артисты.

«ЗОЛОТАЯ» МОЛОДЕЦЬ

В театре тепло говорят о молодежи. Здесь ее в шутку называют «золотой». Но за шуткой кроется правда. Молодежь театра и впредь золотая. У многих артистов хранятся медали победителей различных международных конкурсов.

Яркие воспоминания связаны в театре с Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве. Молодым восточной театра он принес широкое признание. Двенадцать золотых и серебряных медалей победителей Всемирного фестиваля молодежи привезли в Киев молодые артисты театра.

А вокальные конкурсы в Тулузе!

Первыми во Францию поехали Галина Олейничко (ныне солистка Большого театра) и Белла Руденко.

Галина Олейничко была призаудея первая премия, а Белла Руденко — Большая золотая медаль.

Через год на следующем конкурсе, с немалым успехом выступили Евгения Мирошниченко, Владимир Тимохин и Андрей Кютов. И на этот раз (чтобы никто не подумал, которые представляли молодых певцов) привезли все участники конкурса привезли на Родную золотые медали и большие призы.

Французские газеты много писали о молодых русских певцах, которые добились «выдающегося успеха на всем вокальном диапазоне — от колоратурной до басы».

Широкий диапазон у молодежи Киевского театра оперы и балета. Если взглянуть на афиши, перелистать «Театральные Киев», можно увидеть, как уверенно нагают молодые артисты по трудуному, но благодарному пути большого искусства. В программе рядом с прославленными мастерами опер-

ной сцены стоят имена молодых. Им уже доверяют самые ответственные партии классического репертуара.

«Кому много дано, с того много и сплывающегося» — эта истина как нельзя лучше передает дух и настроение, которые царят в театре. Любиво пестуя молодых, здесь вместе с тем их уподобляют труду большого и правдивого кузнеца.

Театр оперы и балета имени Шевченка и Театр русской драмы имени Леси Украинки находятся в нескольких шагах друг от друга. Еще три года назад коллектив драматического театра гордился выдвинувшимся молодым, каждая его новая постановка радовала свежестю, юным задором, смельми находками. Конечно, все успехи нельзя отнести только на счет молодых, талантливых актеров, но в общей атмосфере подвига, которая царит в театре, безусловно, была и их немалая доля. Искусству нужен приток свежих, молодых сил, как дереву, чтобы оно расцвело, необходимо приток новых соков. Это искусство стало забывать в Киевском русском драматическом театре.

Выдвижение молодых — дело хлопотливое, а подчас даже рискованное. Сколько опасений высказывалось в Театре оперы и балета, когда впервые захотелось об этом, что наряду с Б. Гмырем будет петь А. Кютов, наряду с П. Былинником — В. Тимохин, наряду с Е. Чавалар — В. Руденко или Е. Мирошниченко!

— Зритель не пойдет, театр прогорит! — утверждали противники смелого выдвижения молодежи.

Но зряте не прогослововала за молодежь. Киевские высоко ценят прелесть яркого дарования, с особым блеском раскрывающегося именно в молодые годы, когда силы и энергия бьют через край и нет недостатка в энтузиазме и смелости.

Вл. НИКОЛАЕВ,
М. КАНЮКА

о его жизни, я вспоминаю о Калине Шербан. Если бы не Советская власть, жизнь девушки была бы тусклой, сложилась бы так же, как у Мересия.

«Как изменилось село за пятнадцать советских лет! Построена семилетняя школа, переделана церковь, открыт клуб и сельсовет. Раньше здесь было всего два учителя, а сейчас тридцать преподавателей учат детей на родном языке. Более двадцати жителей села получили высшее образование, трое оканчивают аспирантуру. А сколько учится в вузах!»

Нерекло Калина Шербан вспоминает строки:

«...Вместо школы — в селах церковь, Пшозвоченный пристонок, Стенгрук, как нем, ивовую створость с поломом...»

Точно сказано о старой Изе! Эти стихи написал одессовец Дмитрий Валяков, побывший в 1945 году в филиппинском колледже. Молодой, веселый, он всегда

Борис ЯРАНЦЕВ

НЕ ПУТЯМИ ПОСТОЯННЫМИ

Очерк

счастливым. Ты хлопчик умный и самогарный, иди этой дорогой! И сам богат будешь, и мне не дашь с голоду помереть». Я отвечал материн: «Нет, не хочу так жить! У меня руки киевские, иду в гимназию, но последний класс закончить не смогу: не было денег. А пусть уже обещали: «Иди к нам, учись на златую руку».

«Одинокю горит лампа. Люди притянули, слушают. Кто постар-

ше, вздыхают, кто помоложе,طمسمегают: «Нуеужай, чтобы учиться, обязательно надо было в монастырь итти!»

А Мересий уже рассказывал о жизни монахов, о жесткости руководства унияцкой церкви.

— Почему же вы не порвали с ними?! — доносится из глубины зала вопрос.

— Ни так-то легко было это сделать.

Думая о выступлении Мересия,

...в закарпатском селе Белелав на развилке дорог шесть обывальцев: в воскресенье, в двенадцать часов вечера, в сельском клубе выступил бывший игумен Ужгородского монастыря Василий — Юлий Ивашко Мересий.

К девяти вечера в клубе собрался народ. Тут и комсомольцы и старики.

Когда прозвонит слово Мересия, зад стух... Из труппы подошел видный человек в модном костюме. Седоватые волосы, серые, глубоко сидящие глаза.

— Кто я?... Батый мой был белым льдом. Росло нас в семье пяти братьев. Одна забота была у матери: как пристроить нас? Недалеко от хаты стояла церковь, рядом с ней — дом папы. Все седые видели, как легко живется преподобному! И мать все чаще говорила мне: «Смотри, сынку, сколько у него всякого добра, а мы трудимся с утра до вечера, а ничего у нас нет». Мать брала мою маленькую ищущую руками и говорила тихо-тихо то желанное, что лежало на сердце: «Хочу я, чтобы ты был в нашей семье

был окружен друзьями. Любому ненавидят пугали в нем курулки, те самые, что убил отца Калины Шербан. Тогда еще только-только укреплялся в Закарпатье Советская власть.

еще. Крепко запомнились Калине выходные февральские дни 1945 года. Мать была так потрясена, что заболела и вскоре умерла.

Трое детей осталось на руках у Калины. Младшему — два с половиной.

«Недалеко от Изма расползается сеть игуменов. Дмитрий! Бог пошлет сиротам!» — сказал он на похоронах матери. Каждый раз, когда дети у «маленькой мамы» сидели голодные, он приносил им конфетки или орешки, но даже даже хлеб. После разговора с ним пошел в монастырь старший брат Калины Михаил.

И Калину отец Дмитрий не оставал без внимания: «Ты бишь, доработай. Придешь после школы к нам — хорошо тебе в обители будет, секретарем станешь!»

Калина часто ходила в монастырь. Тишина, благость... Но чем старее вспоминается в жизни монашеское, тем на душе противнее становится: рядовые послушники, те, что встают в пять утра и работают по десять — двенадцать часов (не считая времени молитв, Священники всегда кушались раньше послушников, одевались лучше и не работали).

А однажды, в пост, увидела Калина зло на столе у попа Иоасафа.

— Отец, да ведь это грех!
— Грех, если мирные видят! О-о, их знаю, у них всегда помыслы грязные! А когда не виаят, какой же тут грех! отгадывай, за что сало пожевал!

«Господи, в какого бога они веруют? Да и есть ли это самый бог? Священники не боятся его, курулки им помогают во всем плано!»

Каким бы путем походила девочка, которая стала проявлять внимание церковники, не попадаясь ей настоящие советские люди и прежде всего директор школы Василий Михайлович Сомовский. С Сомовским приходило он в иную, разваливавшуюся хатку к сиротам! Его тонкое лицо было высушено ту-букезулом, умение, все познавшие глаза словно в душу загля-...

— Учишь, Калина, не верь по-на! Сама видишь, как наша Советская власть нуждается в грамотных, умных людях!

Ог его пощенишь — дымилось лицо, хотелось разогнуть спину, быть ближе к людям. Этот человек, приговоренный болезнью к смерти, заставлял любить жизнь, видеть ее красоту и радость, верить в завтрашний день.

Отец Дмитрий обещал Калине сына жившего в монастыре, а Симы помог ей поступить в педагогический техникум, выхлопотал для маленькой пенсию.

Но заниматься пришлось нездог, потому заболела сестра Владо-

— Это боже наказало за неверие твоё! — в один голос с попом шепели Калина соседки.

Учеба брошена, Василинка приехала домой. Симы забирается в хатку-лакашкой отец Дмитрий. Но Василий Михайлович Симы не оста-

вил воспитаннику. При его содействии девушку принял в культу-просветтехникум. Здесь Калина Шербан обожает ясно понимать важность своей будущей профессии — огромные дела моятся творить на деле работники клубов, библиотеки!

В техникуме ее поддерживали чуткие люди, и прежде всего учителя сугурты А. Пятакова и П. Якуженко.

— В твои годы я была такой же бедной! — говорила Пятакова Калине. — Имела одно платье, старала его помыть, чтобы чище не вывел! И без расхола бога на ноги встал! Учишь, верь в себя — своего добьешься!

Бог!.. Теперь при одном упоминании имени божьего в памяти возникал звериный облик кулуков — убищ отцу (каккие богомольные были они, Василий Симилян и Иосиф Кашков). Воспичивался тюремная жизнь послушника и брата Михаила, бегавшего голым по кладбищу.

У него, кроме злорадия, не осталось и черт к засаживаным мухам деревьям, издавна висевшим в термом углу хаты. Однажды Калина позвонила к Яковом, сорвала их со стены и посылал в школу. И сразу светлее стало в комнате, чище!.. Удалось, наконец, вызвать отца из монастыря и брата Михаила.

Выпускница техникума стала сельским библиотекером. Скропила камита два космольных лет, притягивая хлопцев и девчат Изма. Здесь продумывались литературные вечера, готовились номера самодеятельности. С каждым днем все больше ощущала Калина свою силу. Комсомольцы единодушно избрали ее своим секретарем.

Вместе с сельскими коммунистами она постаралась наладить атеистическое чтение. На ее чуда вопрос о ответов разгорались горячие споры между учителями и верующими.

Шел 1957 год. Все большие люди посещают клуб и библиотеку. Старое здание не могло вместить всех желающих...

«Надо строить новый клуб, большой, красивый!» — решила молодежь. Взрывом ненависти отворещився развалины церковный актив Изма. Пополз по селу слухок: «Комсомольцы хотят строить клуб на развалинах храма божьего!» Церковники собрали толпу, которая ворвалась в клуб приносимый молодежи. Звериной злобой горели их глаза. И пока на сцене один за другим выступали комсомольцы, толпа истошно скандировала: «Уа-уа-уа!»

Когда председатель собрания Калина Шербан вместе с корреспондентом «Советского Закарпатья» Ниной Юрьевной Донецкой вышла из зала, хулыганы набросили на их.

Ничего страшного, бы кончилось избивание, если б подошедшие коммунисты не спасли женщин. Большая дружба с тех пор связала Калину Шербан и Нину Юрьевну Донецкую.

Как-то в эти дни повстрелася Калина с отцом Дмитрием.

— Грех на душу принимаешь! Помыть толпу: богохульничать клубом строить!

— Не заботь молодежь строить! — резко ответила девушка.

— Да я же тебя вино, доч-

ка! — переменял тон игумен! — Кстати, сколько ты сейчас получаешь? Четверть? Какие это деньги! Пошла бы лучше в монастырь!..

Словно огнем обожгло Калину. — Ну, не сердись, не сердись, Калина! — Игумен продолжал говорить елевым голосом, но в глазах горела ненависть. — Крепко подумай!

«Обстановка в селе накаляется. Когда областная газета напечатала обращение молодежи о строительстве клуба, среди верующих началось гонимое брожение: «Почему это? Что тревожит людей?» — возобновились комсомольцы.

Ларчик открывался просто: «двадцатка» решила использовать фундамент старой, разрушенной церкви для возведения нового храма.

Вот появились и развели одна женщина с лопатой, за ней другая, третья... Народу собралось много. И чуть кто-нибудь из верующих начал возмущаться, хотел заговорить с людьми — работа приостанавливалась и в ответ раздавался истинный вопль: «Уа!»

— Что вы делаете?! — спрашивали двадцатки свидетели «Уа!»

— ЯК Я что? Ничего. Это народ храм божий восстанавливает!

— Почему же вы именно сейчас занялись этим?

— Тут, разжидею начальники, дело деликатное! — Дьячок улыбаясь улыбаясь. — Наша Советская власть улучшает бы людей. Раньше мы только-таки из мамзатищих церквей комсомольцев выдмещем; прежде нам церковь деревянная хороша была — теперь подавай каменную! Растет народ, богатеет!

В это же самое время недалеко от церковных развалин молодежь начала закладывать фундамент для клуба. В два субботника заливали камень. Культуртехническому и кирпичный завод — шестиф — вместе с комсомольскими активистами села стали возводить стены...

А в маленьком клубе читались атеистические лекция, проводились вечера вопросов и ответов.

И каждый раз, только начиналась лекция, «двадцатка» на развалинах храма появлялась.

Временами жутко становилось Калине... Но она видела решительную поддержку сельской интеллигенции. Уверенность в правде своего дела придала новые силы.

...В последних числах августа, в канун праздника успения богородицы, заврпавля «двадцатки» обрели верующих из своего и окрестных сел. Поведли большой плакат: «Помогите, православные, строительство церкви «божьей»! И несли люди каначею Сабову ко двадцать пять, что пьятидесят, а кто и все сто пьятидесят!»

«Да найти общий язык с такими людьми? А найти надо!»

Только теперь стало и местины и районным руководителям, во что обходится слабость атеистическим верованиям! Коммунисты комсомольцы шли в дома зная и говорили с ними о прошлом и настоящем села, о делах артели, о будущем.

А поговорить было о чем. Достающее оставалось вокруг. Довезде кирпичные, о соломенных крышах уже забыли. Дети колхозников, не выходя из села, полу-

чают среднее образование. Вместо старой корчмы два больших магазина. Кино, библиотека. Современная акустическая школа — по пятнадцать лет Советская власть счастья дала!

Так, или примерно так, вели свои беседы с односельнянами коммунисты Симилян, Хмара, Почунов, Мякца, Дьячок и Пятаков, Станяк, Шербан, Шаней, Пригара. Серьезно говорили агитаторы к каждой беседе. «Божественные» уроки отца Дмитрия хороши приносили Калине при встречах с верующими. Но большинство людей поддерживало «двадцатку».

«Двадцатка» раскололась. У церковного казначея Степана Сабовца за последние время денег набралось около ста тысяч! И вдруг он пропал. Пять месяцев скрывался на чердаках, оброс, как лесной бандит, а денег не отдал ни копейки! Зато сын казначея Василий купил себе легковую машину!

А тут еще появились активные «двадцатники» Василий Якоб и Василий Хвост на глазах у всего народа едва не подарили кому-либо вырван, преданная-висящий для церкви! Но, хотя и призывал Якоб сельские бога и свидетели, Хвост недроугивую рукой достроил-таки свой дом из материала, купленного на деньги папашки.

А здание клуба росло. Были возведены стены, сделаны перегородки, штукатурные и малярные работы. Проходили мимо стройки изне, те, что в свое время затевали церковные демонстрации, и говорили с гордостью:

От такого клуба и село краше становится!

Мне не довелось быть на открытии клуба. О нем я узнал из письма, присланного мне Калиной Шербан. Вот оно:

«В этот день с самого утра шел такой дождь, что и подумал: какое уж тут открытие! А в двенадцать часов дня, когда народ все же стал собираться, дождь вдруг перестал, выглянуло солнце. Сколько людей собралось! Наши сельские из района, из области!

Многие выступали на митинге, говорили и я от сельской молодежи.

Потом разрезали красную ленточку и вошли в клуб. Если бы вы не видели, как хорошо у нас было!

А самой счастливой была я: накануне меня приняли в члены партии. Так я счастлива была, так счастлива, даже забыла о том, что у меня батюшка немца! Их мне запомнили хорошие люди. Это коммунисты, такие, как Нина Юрьевна Донецкая. Она мне сейчас как мать!

Да, совсем забыла! Помните женский сит? В два дня, когда открылся клуб, все монашки разошлись по домам, никого не осталось там, кроме отца Иоанна...»

И еще раз, перебирая в памяти события и встречи в самой молодой советской области — Закарпатье — вспоминаю. Все больше и больше выбираю себе самый верный и широкий путь — путь веры в свои силы.

3. Калыньш. Утро.

В стоголосом птичьем стане
Поднялся переполох:
Море прыгнет в тумане,
Рыбаки спешат на лов.

Видно, радует им душу
Их суровый, смелый труд.

В карбасах они на сушу
Свежесть моря привезут.

И опустится незримо
Вечер на берег морской.
Ветерок запахнет дымом
И наваристой ухой.

М. КАРУННЫЙ

Суджен Пола. Осень в долине Муреша.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Корнелиу Баба. Крестьяне.

Штефан Сени. Сплавщики леса.

ПРАЗДНИК РУМЫНСКОГО НАРОДА

Пятнадцать лет назад гром сокрушения, дробящий воинов под Исами и Кишиновом, прозвучал надобой для католической страны Румынии: румынский народ румынской коммунистической партии, поднял вооруженное восстание и сверг диктатуру Антонеску. День освобождения от фашистского ига — 23 августа 1944 года — стал национальным праздником румынского народа.

Народная революция подняла на борьбу всеобщую дружбу со странами, которые установили народно-демократическую власть и приступили к строительству нового общества.

«Две — там сила», — гласит румынская народная поговорка. А ныне Румыния входит в единую семью стран, сплывших братской дружбой и общей борьбой за светлое будущее. И в этой семье теперь на пройденный путь, румынский народ видит, что достигнутые успехи были бы невозможны без постоянной поддержки всего мирового лагеря социализма.

Важной вехой в развитии страны было заключение в 1948 году Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Румынией, Народной Республикой и Советским Союзом. Этот договор, основанный на неизбывных принципах дружбы, товарищеского интернационализма, равенства, взаимного уважения и честности во внутренних делах, помог румынскому народу быстрее осваивать технику, наследие капитализма и черных лет фашистской диктатуры.

А вследствие было постинте трагедия. Исполном вена в отсталой, полуфашистской Румынии, беззащитничю хозяйничал иностранный империализм, промышленность страны не имела. Вопреки-америке, владевшие огромными земельными площадями, выманившие соии из нищего крестьянства, неумело управлявшие страной за пятнадцать лет народной власти. Химический гигант в Борзеште, огромный промышленный Ромаша, тракторный завод в городе Станли, металлургический Бил Вухареста, текстильный — один из крупнейших в Европе полниграфических комбинатов — вот что определили успехи сегодняшней Румынии, Освободившись от ленинского учения, Румынская рабочая партия взяла твердый курс на социалистическую индустриализацию, горючего, вставшая с главным рычагом быстрого построения народного хозяйства — Новое, передовое хозяйство проинант в сознание людей, заставляя их почувствовать свою силу.

В 1949 году румынские крестьяне создали первые 56 колхознических хозяйств. А сейчас социалистическому сектору принадлежит около 90 процентов в сельском хозяйстве страны.

От Народа до Чингоро и от Тиссы до Дуная румынский народ с энтузиазмом строит новую жизнь, но имеем отходы в застенках сигуранцы лучшие его сыновья — индустрии и за которую сражались воинами — имени Туадора Владимиреску. Новая Румыния — это не только тракторы на полях сельхозхозяйств своих товарищеских. Это пример всего нового периода, хозяйств своей страны, первая модель четкого неограниченный простор для развития всех его способностей.

«Горючие Румынской Народной Республики сознают, что, обеспечивая быстрое развитие экономики и культуры, строя в своей стране социализм, они вносят вклад в достижение победы и мирного соревнования социализма с капитализмом». Эти слова в докладе секретаря ЦК Румынской рабочей партии товарища Георге Георгиевичу, сказанные на XXI съезде КПСС, отражают думы и стремления народа новой Румынии.

Слева на вкляде — картины румынских художников.

...В один из дней нас принял премьер-министр Индии Динавахарал Неру.

Индийские встречи

Нас было пятеро: нитаец Лю Пiao-чэн, польня Агнешь Ковальска, чешка Милене Хабоманова, монголы Л. Идар и Я. Мы оказались победителями конкурса студентов и аспирантов, изучающих индийские языки, и правительством Индии лично предоставлено нам возможность совершить бесплатное путешествие по республике.

В течение месяца знакомились мы с этой чудесной страной. Надолго запомнились нам встречи с

интеллиги городов и деревень, с рабочими, крестьянами и студентами. Везде нас встречали как хороших друзей, задавали множество вопросов, интересовались жизнью наших народов.

Близ Бомбей, в «Молочной долине», нам показали молодых деревнях, посаженных здесь М. С. Кручевым и Чиню Энь-ляном. Деревья хорошо прижились. Судя по их крепким стволам и пышным кронам, за ними заблуждую укаивают. А индусы высоко ценят друже-

ские чувства советского народа, помощь, которую наша государство оказывает их стране. В Калькутте главный инженер завода текстильных машин показал нам металлорежущие станки советского производства.

— Нам они работают? — спросил я инженера.

— Безупречно, — ответил он. — Проводить большую работу вамим конструкторам и рабочим! Можно ли после этого удивляться тому, что столько людей в Индии хотят изучать русский язык? В институте иностранных языков в Агре преподаватели обратились ко мне с просьбой прислать им магнитофонные записки русских языков. Студенты проявляют огромный интерес к вашей литературе, — сказали они.

В Калькутте созданы вечерние курсы по изучению русского языка; их посещают даже помилые люди.

Особенно сердечной была встреча нашей группы с индийскими литераторами в Бомбее. В квартире Ахмат Аббаса собрались известные поэзии и поэты: Сардар Бишфари, Мадрху Прам Диназу, Кришан Чандир, Райфи Амин, Шахиджан Мохаммад — каждый на своем языке стихи. В заключение мы все вместе спали «Гимн демократичекой молодежи» — каждый на своем родном языке...

С такой же теплотой приняли нашу группу и президент республици доктор Радиндра Прасад и премьер-министр Динавахарал Неру. Невозможно в короткой заметке передать впечатления от большого замечательной стране, о ее людях. От всей души хочется поблагодарить за щедрое гостеприимство, выразить глубокую признательность всем, кто принял и нам столько искренней доброты и внимания.

И. МОРОЗОВ,
аспирант МГУ

ОТКРОВЕНИЕ КЕХАРА СИНГЛА

Этот день был постинте счастливым для Рама, сына старшего Кехара Сингла из маленькой деревушки, расположенной недалеко от Хасара. Он узнал, что большая группа крестьян собирается на экскурсию по крупнейшим новостройкам страны...

Вырос Рам в деревне. Четыре года назад, когда ему едва исполнилось восемнадцатид лет, он сдал экзамены на аттестат зрелости. И хотя поступить в колледж Раму не пришлось: нужно было помочь отцу, — полученные знания пригодились: он стал применять на своем участке минеральные удобрения и добился высокого урожая.

Жадно следил Рам за всеми преобразованиями в стране и с нетерпением ждал случая побывать хотя бы на одной из величественных строек новой Индии. И вот наконец ему представился такая возможность! Скоро он увидит завод минеральных удобрений в Синдри, Читгаржский паровозостроительный завод в Бенгаллии, строительство канала Бхакра — Нангал в Пенджабе, телефонный и авиационный заводы в Бенгалоре, исторические памятники Красный Форт и Кутоб Минар в Дели...

Рам победил домою, чтобы поделиться с родными необычайной новостью. Отца он застал за любимым занятием: старик сидел на пороге и курил длинную трубку. Как и ожидал Рам, отец сначала воспринял поездку: в их деревне не было такого человека, который побывал бы хоть в одном большом городе, кроме Хисара. А в развее в старое времена люди не отправлялись на бого-

ВИШНУ ДАТТ,

индийский журналист

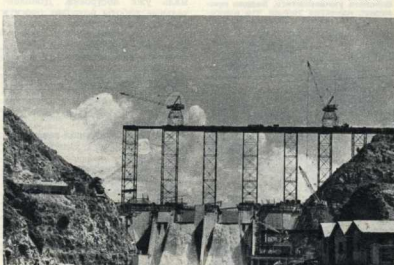
молье? Развее не отлучались надолго из дома? — спросил Рам.

— Это — совсем другое дело, сын мой, — сказал старик. — Они уходят молиться богам. Чем не пожертвуют ради спасения души?

— И мы поедем в святые места, в Джанги Натх и в Венапарес, — продолжал настаивать Рам. — Подумай только, отец, ведь мы увидим строительство канала Бхакра — Нангал, канала, который даст драгоценную воду нашим полям!

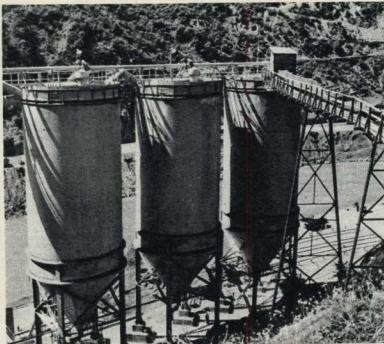
Общий вид строительства Бхайра-Нангалского канала.

Фото В. Кассиса.

МНОГО БЕДНЫХ

Рассказ

Там выглядит цементный завод стройки.

...Так старый Кехар Сингх, его жена и их сын Рам вместе с другими крестьянами отправлялись в путешествие по новой Индии.

Много необычного и удивительного довелось им увидеть. Но самое большое впечатление произвело на них строительство канала Бхакра—Нагала.

Администрация нягальской плотины тепло встретила гостей. После завтрака все пошло к дамбе. С изумлением смотрели труженики полей на искусно построенную плотину, расставшуюся на целую тысячу футов—во всю ширину реки Сутлак.

Экскурсы шли по туннелю до другого берега реки. Им, простодушным деревенским жителям, привалить было страшно—то под землей, на глубине 67 футов...

Затем поезд доставлял их в местечко, раскинувшееся в узкой котловине Синалака, в семи милях от Нагала. Кехар Сингх здесь увидел, как вода из реки устремлялась в два туннеля, диаметром в 30 футов каждый. Сопровождавший крестьян инженер рассказал, что, когда закончится постройка плотины, будет создано огромное искусственное озеро площадью в 66 квадратных миль, а река сейчас заключена в туннели для того,

Молодой инженер, выслушивая Бомбейского университета, бедняк приобретает качество только что приоткрытого бетона.

чтобы вода не размывала территорию строительства.

Рам запрокинул голову и посмотрел на вершину крутой горы: вот до какого уровня поднимется новая плотина на 780 футов! Она будет самой высокой в мире! А бетона в нее будет уложено столько, сколько потребовалось бы, чтобы проложить шоссе шириной в 8 футов вокруг всего земного шара... Сердца крестьян переполняла гордость за свою страну, обрешенную с себя цепью колоссального рабства. С благоговением смотрели старый Кехар Сингх и его сын на огромные краны, которые, словно скаменные гиганты, простыли свои железные руки и с необычайной легкостью укладывали бетонные плиты.

— А там что такое?—спросил Рам, указывая на пять больших отверстий в скале.

— Это выходы туннелей, по которым пойдет вода к турбинам,—охотно пояснил инженер.—Кстати, наши турбины будут самыми мощными во всей Азии.

Выслушав все объяснения, Кехар Сингх спросил:

— Скажите, а что это даст нам, жителям деревни?

Инженер улыбнулся:

— Ваши поля уже сейчас получают воду. Это оказалось возможным потому, что огромная сеть каналов протяжениостью в семсот миль уже построена. Дополнительные работы позволят оросить еще десять миллионов акров земли. А это увеличит объем сельскохозяйственной продукции на сто тридцать пять миллионов рупий в год! В ближайшем будущем около пяти тысяч деревень Пенджаба получат электроэнергию; пройдет немного лет, и тяжелой, изнурительный труд крестьян уйдет в область прошлого...

Внимательно слушал речь инженера Кехар Сингх. Здесь, у подножияющейся к нему огромной плотины, он испытывал такое чувство, будто пришел в святые места... И перед этим новым храмом старый крестьянин сложил седую голову. До конца жизни запомнит он этот день—день, когда в молодых, ясных глазах сына старик увидел светлое будущее Индии.

Нью-Дели.

Как-то летом мне здорово повезло: я целый два месяца проработал в бакалейной лавке. Занят я был с четырех часов дня до полуночи, но после восьми вечера покупателья становилось мало, и я от нечего делать поглядывал в окно, раскисав по магазину и наводил порядок на прилавке.

Это была маленькая лавка в трущобах Гроув-стрит. Люди, заходящие сюда, были бедные. Редко кто из них не пытался стащить что-нибудь с прилавка,—больше тачилки, чем покупали. У этих людей просто не хватало денег, чтобы купить себе необходимое. Стоило мне повернуться спиной к покупателям, как кто-нибудь обязательно норовил сунуть в карман или маленьким сырочком, или банку томатного соуса. Я хорошо знал об этом, но не подавал виду. Ведь это были хорошие люди, только бедные.

Как-то раз одна женщина спрятала под блузку дыню. Редко мне приходилось видеть такую печальную картину. Женщине было лет под пятьдесят. Я сразу заметил, что под блузкой у нее что-то дынное, и понял, что дело у этой дамы идет неважно. В тот вечер она так ничего и не купила. Была в магазинные минуты пять, поинтересовалась ценами. Я сказал, что винные ягоды стоят десять центов дюжина и что они очень хорошие.

Она заметила, что я говорю на вид хорошие, ну, а каковы они на вкус! Тогда я предложил ей попробовать одну. Сначала она отказалась, а потом вынула из корзины большую ягоду, очистила ее и с задумчивым видом, смакуя, проглотила. Она ела себя, как настоящая леди. Если б я ее приглядел, мне бы пришлось еще немного денег, как бы внушительно выглядела она в бакалейной лавке! Но давнот-то, по-видимому, у нее инкагда не было. Потому, как неминуемо задремала, да за лапузу дыню, сохранив при этом свое достоинство.

Одним из немногих, кто заходил в магазин ничего не тачил, был исплец по имени Касья. Это был маленький человек с большой головой и печальным

лицом. Таких людей замечавешь сразу: у них есть что-то такое, что заставляет призадуматься. Заходящий в магазин почти каждый вечер на полмча, как бы поговорил со мной. Разговаривал спокойно, торжественно и с достоинством. Если вы ростом не выше одиннадцатилетнего мальчика и весите около сорока килограммов, вам нелегко держать себя с достоинством.

Я относился к исплцу с большим уважением. Сначала мне казалось, что он вообще ничего не знает, едва ли за десять лет прочитал хоть одну газету. Он ни о чем не рассуждал и ни на что не жаловался. Это был просто маленький человечек, который ухитрился прожить до сорока восьми лет. Но мало-помалу я узнал, почему он держал себя так величественно и был все-таки бедняком.

Дело в том, что у Касья было сын шестнадцати лет. Мальчик очень красивый, ростом в шесть футов. Он, без сомнения, был сыном Касья,—тут ничего не смекнешь. Он унаследовал от отца его голову и лицо. Исплец очень гордился своим сыном—редак не стоило жить на свете. Однажды вечером Касья спросил меня:

— Выдали моего мальчика? Прекрасный парень. Такой большой и красивый! А вы знаете, каждый вечер, когда я прихожу с работы, он говорит мне: «Папа, залезай-ка мне на плечико!» Я забирался ему на плечи, и он носил меня по дому. Затем мы садимся и ужинаем.

Ну что вы на это скажете! Маленький отец и большой сын, мальчик носит отца на плечи! Это заставляет задуматься.

А в другой раз Касья сказал: — Я объясню вам, почему сын мой такой хороший. Не успел он родиться, как мать его умерла. В этом все и дело. Матери он никогда не знал. Все время оставался один, дажде младенцем. Я всегда приносил домой а обед, чтобы проведать его. Иногда он и ждал один-одинешенек моего прихода. Перестал он плакать еще совсем крошечным. Видно, понял, что там у него не будет. Когда сминше исполнилось два года, мы обомло стало легче. Если б вы только видели, как

он рос! Ну, как он вам нравится?

— Внуку, что он прекрасный парень, — ответил я.

— А я вам вот еще что скажу, — продолжал испанец. — Сын хочет, чтобы я бросил работать. Хочет поработать вместо меня! Говорит, что я, мол, уже достаточно потрудился. Парень неплохо разбирается в машинах. Он мог бы получить работу механика в ремонтной мастерской. А вы знаете, что я ему ответил? Я сказал ему: «Нет!» Я сказал ему: «Джо, постыжь-ка лучше в колледж. Славный парень! Хочу, чтобы он закончил колледж. Он имеет на это право. Мне приятно работать для него.

— Конечно, — сказал я, мне в лакею одна рыжеволосая девочка лет двенадцати. Звали ее Мэгги. Была она очень крепкая девочка, какие иногда вырастают у бедных сельских, и очень веселая.

— Она часто поправляла в лаке и сразу же, без всяких вступлений и объяснений, начинала смеяться. Мне это смех всегда доставлял много радости, хотя я и виду не показывал. А она смеется себе и смеется.

— Ну, как поживаете? — спросил я. — Что бы тебе хотелось?

— Самы знаете, — ответил она и захохот весело.

— Батю любя! — У Хеба! — переспросил она.

— Ну, тогда чего жей? Бросит взгляд исподлобья.

— А что у вас есть хорошего? Что тут остается сделать, как не кинуть ей персик! А она поймает его на лету и скушает, лукаво поглядывая на меня.

— Говорят, я похож на кинозвезду Джимми Доджера, — скажет она.

— Врут они.

— Нет, правда. Вы сами знаете, что похожа. А нравится вам она?

— Еще как! — скажу я.

— Я так похожа на нее, так похожа! — говорит она.

А ведь ей всего двенадцать лет.

Заходил ко мне еще крошечный мальчик лет четырех. У него никогда не было ни гроша, и если переодича просто поглядывал, и Звал я его Каллахан. Замечательный был мальчик! Он мог часами смотреть на дешавые ладенцы, не говоря ни слова, разве я про про сбоя. Иного раз кто-нибудь наталкна на него, а он стоял себе как вкопанный и только глазами пялил.

Однажды вечером дама, кото-

рая ступала дынно, поглядывала мальчика по головке.

— Ваш сынок? — спросила она.

— Конечно, — ответила я.

— Чудесный мальчик, — сказала она, — и так похож на вас! А почва сегодня винный год?

— Десять центов домино, — ответил я.

— А они хорошие?

— Еще бы! Попробуйте, пожалуйста.

Женщина попробовала винную ягодку, а заодно и персик и абрикос. В тот вечер она опить ничего не купила. Пошла у меня минут десять, и я догадался, что она хотела попросить взаими до завтра центов двадцать пять, но так и не решилась. Наконец женщина сказала:

— Какое счастье, что мы живем в Калифорнии, не правда ли?

— Я никогда не выезжал из этого штата, — сказал я. — Никогда не выезжал из нашего города. А в других местах разве иначе!

— Разумеется, — ответила она. — Есть такие места, где летом дышать невозможно. Чикаго, например.

Она подошла и открытой дверью так сильно махнула рукой в сторону неба.

— Какой прекрасный воздух здесь! — сказала она.

Когда женщина ушла, я подождал Каллахана. Он сейчас же подошел.

— Хочешь лакрицы? Конечно, он хотел, но молчал.

— Подожди поближе и возьми, что тебе нравится, — сказал я.

Он подошел к ящику с леденцами, но ничего не взял.

— Возьми, что хочешь, — повторил я.

Он глядел на меня немного неуверенно.

— Ну, ну, — говорил я, — возьми же!

Он, кажется, был напуган и не верил своим словам.

— Все в порядке, — успокоил я его.

Тогда он протянул ручку и взял кусочек лакрицы.

— Возьми еще что-нибудь, — сказал я.

Мальчик положил назад лакрицу и потянулся к конфетам.

— Да нет же, — сказал я, — лакрицу тоже возьми!

После долгих угворов он взял несколько сортов четыре разных дешавых конфет.

— Ну вот, Каллахан, — сказал я. — Теперь иди домой и ешь их.

Без с собой, но безбоязненно. Когда говорил ни слова, но все еще измученный, он ушел.

Рисунок П. Пинкисевича.

На следующий день мальчик опять пришел и тихо сказал:

— Самое лучшее — это лакрица.

Тогда я тоже попробую ее, — сказал я.

Я дал ему лакрицы, взял кусочек себе, и мы вместе поели.

Хорошее было времечко, когда я работал в бакалейной лавке и ко мне приходили поест и поболтать эти милые, забавные, маленькие бедные люди!

Перевел с английского И. ВИЛЬКОМИР.

ВИЛЬЯМ САРОЯН: «В Советском Союзе я увидел триумф человека!»

Вильям Сароян — один из выдающихся американских писателей. Он автор около полутора тысяч рассказов, двенадцати пьес и семи романов. Сароян родился в маленьком городе Фрэнко в 1908 году в бедной семье армянских эмигрантов. Он рано остался без отца, рос в нужде и с детства зарабатывал свой хлеб. Еще работая рассыльным на почте, маленький Вильям понял, как слабо защищены простой человек от ударов судьбы, как трудно дается ему счастье. Когда Сароян опубликовал свой первый рассказ, ему было 25 лет. Через год он выпустил первый сборник рассказов «Юнона на далекой травице», первый писатель славу. В центре внимания Сарояна с самого начала был мал-

ленький, простой человек. Сароян плохо разбирается в причинах общественного положения этого человека в условиях капиталистической Америки. Он не называет прямо вещи своими именами, но, как талантливый писатель, показывает жизнь такой, какая она есть. Может быть, даже вопреки намерению автора многие его произведения обманчиво прославляют «американский образ жизни». Если так хорошо в «капиталистическом мире», как об этом говорят официальные пропагандисты США, то откуда там столько бедного, безработного и даже голодного? Откуда берется такое отчаянное чувство безнадежности, утраты себя и беспробудного pessimизма даже у тех, кто имеет и работу и сравнительный успех в жизни?

Недавно Вильям Сароян побывал в Советском Союзе. Он был здесь всего несколько дней, но и этого ему было достаточно, чтобы влюбленно сказать: «Я увидел здесь триумф человека!» «Они (советские люди), — говорит Вильям Сароян, — не думают за «бизнесом», не думают перед Перстом Судьбы... Они знают, что много доблести, и в отличие от других «старых» наших готовы поделиться своими достижениями. Они открыто говорят обо всем, много знают о нас. Они искренне верят в человека.»

Сароян, все творчество которого посвящено приключению капитального человека, уезжая из Москвы, с радостью восклицает: «Славное Горькое "человек" — это звучит гордо!» Чаше всего произносится в СССР!

ПОД СЕВЕРНЫМ ПОБОРОМ

СТРАШНЫЙ ФАКТ

...В один из мартовских дней 1951 года я приехал в Питсбург, чтобы присутствовать на процессе Стива Нельсона — руководителя Коммунистической партии США, привлеченного властями штата Пенсильвания к судебной ответственности за «подкупную деятельность». Во многих отношениях процесс этот был сенсационным. Почти ежедневно питсбургские газеты помещали о нем отчеты под крупными заголовками. Однако, как мне стало известно, «дело Нельсона» имело другую, весьма симптоматическую и довольно грустную сторону, которую пресса обходила молчанием. Как это ни странно, но речь идет об однадцатилетней дочери обвиняемого Жозефина и его десятилетнем сыне Роберте.

Официально дети Нельсона не имели ни малейшего отношения ни к процессу их отца, ни к «преступлению», которое ему приписывали. Но в школе относились к ним так, словно Жозефина и Роберт действительно были в чем-то виноваты, как будто они совершили какое-то страшное преступление. Их подвергали самым изощренным преследованиям. Однажды Жозефину и Роберта без всякого повода забрала другая школьница; детей подвергали зарыванию, сумевшие их увидеть в том, что Стив Нельсон пытался...

Во время своего недавнего пребывания в СССР известный американский публицист Альберт Кан предложил «Смению» несколько глав из своей книги «Игра со смертью», рассказывающей о плаунином влиятельном «холодной войны» на молодое поколение США. Хотя эта книга написана шесть лет назад, ее общественное звучание нисколько не ослабло, ибо жив еще в Америке дух маккартизма. По-прежнему в Соединенных Штатах процветает расовая дискриминация. По-прежнему суаборные генералы угрожают человечеству водородной бомбой...

В предлагаемом вниманию читателей отрывке из главы «Молодежь попадает в жертву» автор рассказывает о преследованиях и травле семей американских прогрессивных деятелей. Все эти факты отличаются строгим документальностью, они без прикрас показывают халатный «американский образ жизни».

Книга А. Кана «Игра со смертью» выйдет в издательстве «Молодая гвардия».

отравить горожаток водопровод. Одна учительница дала Жозефине контрольную работу по орфографии, умышленно подобрал такой текст, в котором содержались слова «суд», «судья», «виновник» и «осужден». Затем она велела девочке прочесть вслух эту работу и перед всем классом ответить на вопросы; что означают слова «государственная измена»? Учительница нашла определение, данное девочкой, недостаточным и дополнила его, бессмысленно наклеив на отца Жозефина. На другом уроке педагог роздал учащимся фотографии достовернейшего Питсбурга и просил ответить, что именно на них запечатлено. И Жозефине как раз досталась фотография здания суда, где в то время разбиралось дело ее отца...

В последний день процесса, ко-

гда жена Нельсона, Жозефина и Роберт сидели в зале суда в тягостном ожидании приговора, который должны были объявить с минуты на минуту, к детям подошла какой-то человек и, ухмыляясь, сказал им:

— Хорошенько смотрите на своего папушу: цельх двадцать лет пройдет, прежде чем вы снова увидите его...

Бесчеловечная травля детей за политические убеждения их родителей носит отнюдь не случайный характер в Соединенных Штатах. Она является порождением «холодной войны» и не только санкционируется, но и непосредственно осуществляется силами Федерального правительства. Этот страшный факт подтверждается неоспоримыми свидетельствами.

Узнав о том, что пережили дети Нельсона, я заинтересовался судьбой других американских детей, преследуемых за «политические преступления», якобы совершенные их родителями на родине.

МЕТОДЫ ФБР

Вечером 8 марта 1952 года в беседах с миссис Грин и миссис Файн — женами руководителей Коммунистической партии США. Их мужей Федеральное бюро расследований разыскивало, чтобы подвергнуть аресту на основании закона Смита.

Беседа проходила в скромной квартирке миссис Грин в западной части Чикаго. Из окна комнаты, в которой мы сидели, хорошо был виден стоявший напротив автомобиля и слышны двух сидевших в нем мужских голосов. Зрительный контакт осуществляла миссис Грин. — В переулке на той стороне улицы дежурит еще одна машина с двумя агентами.

— Агент у миссис Грин, что на протяжении восьми месяцев со времени исчезновения ее мужа? Она и дети круглые сутки находятся под наблюдением ФБР.

— Агенты работают в три смены по восемь часов, — сказала она. — Я точно не знаю, сколько именно человек слезет за нами. Мы обычно видим четырех, но их, наверное, больше. Они, наверное, прячутся где-то в соседних домах, потому что когда мы выходим через черный ход и магазин за продуктами, за нами всегда кто-нибудь следует.

— Агенты сопровождают нас и в кино и в блочную, — включился в разговор миссис Файн. — Когда я провожаю своего Ларри в школу, они тоже идут по пятам. Как-то раз агенты зашли вместе с директором школы в класс, где учится Ларри, попросили учителя вызвать его к доске и заставили стоять перед одноклассниками. Быть может, они надеялись найти отца Ларри у него под партой? Ничего этого мой мальчик стал бытаться выходить из дому...

Миссис Файн умолкла и после паузы с возмущением добавила: — Они терроризируют нас и наших детей. Они расщипывают, что таким путем им удастся сломать наш дух, заставить раскиснуть, где скрываются наши мужья. А мы и сами это не знаем!

Двенадцать Грина намеревались подвергнуть аресту, но он отказался подчиниться властям; так же поступили и Фредерик Файн.

ЕГО УБИЛИ В ЛОНДОНЕ ЗА ТО, ЧТО ОН ЧЕРНЫЙ

Что произошло в Лондоне, на углу Саува-стрит и «Челобри Роуд»... Келсо вернулся домой. Был час ночи. Келсо устал: приходилось работать, не считая себя, чтобы наплатить хоть немного денег на свадьбу; он с Оливией уже давно откладывали этот радостный день.

Кочерей родился в британской колонии на острове Ямайка. С детства он видел вокруг вечную нужду. Келсо махнул дулом, что если доберется до столицы империи — Лондона, то там он найдет работу, счастье и исполнение надежд.

Но и в Лондоне «цветному» было нелегко. Келсо мечтал о работе, о спокойной жизни в цивилизованной столице, однако с первых же дней столкнулся со страшным явлением, которое называется «расовая дискриминация».

— Черномыслий — бросали ему в лицо...

— Дини Кроу — раздался на улице крик лондонских последователей американского Ку-Клукс-Клана.

Келсо поспешил в районе «цветных» — Ноттинг-Хилле. Он долго искал работу и наконец устроился плотником. Здесь же

в Ноттинг-Хилле, он встретил своего землячку Оливии Злигтон и полюбил ее. Келсо повернул за угол, машинально взглянул на табуличку с названием «Суизан стрит». Еще три улицы — и дома. И вдруг раздалось:

— Переговоры тротуар пустынной улицы, столби счастья «белых» парней...

— Я видела все это, — говорила на следующий день в полиции двадцатилетняя Двой О'Канн, — но не могла ничего сказать парню. Сначала тот сопротивлялся, потом упал. Ребята разбежались, и «цветной» остался лежать на тротуаре. Я хотела выбежать на улицу и неминуемо не пустила Яма. Она сказала: «ты слышала, они кричали: «Дини Кроу», — а это известно, чем пахнет...»

Там три улицы до дома, за три недели до долгожданной свадьбы был убит скромный, застенчивый, трудолюбивый юноша Келсо Чёрный, единственный белый человек в том, что он был черным.

Келсо был мечтой, Келсо стремился и лучше, даже не имея в капиталистических друи...

К. ВИШНЕВЦКИЙ

Whitsun race hatred, then NOTTING HILL

AT 211 SOUTH STREET CROSSING 3 MIN. GOLFBOURNE ROAD, WY.

Butler

«Jim Crow» taunts end in death

«Расовое гонимое принесло и Уинчестру» — с таким заголовком вышла на следующий день после гибели Ямеса Кочерея одна из крупнейших английских газет. «Дейли экспресс».

— Появлялись ли в чикагских газетах какие-нибудь сообщения типа «Джои убит»? — спросила я.

Миссис Грин протянула мне газетную вырезку. Это была статья из «Чикаго дейли Ньюс», озаглавленная «Дети красного, белого и розового цвета». Там были осторожны. Они продолжают хранить молчание во враждебном им мире. Вот что писала газета о детях миссис Грин:

«... Удивительный Райфл и его девятилетняя сестра Джоки внешне похожи на других детей, обитающих в этом тихом районе. Но вместе с тем они и не совсем такие: они дети Джоки Грин, которого разыскивает ФБР.»

В ответ на приветливый вопрос незнакомого мужчины: «Как ты утонула, Джоки? — ты тоже была маленькой девочкой, охнула его холодным и доподзрительным взглядом. С ней был ее брат; эта пара направлялась домой обходя парк, а другая стояла у входа в переулок, где стояла машина дяди агента ФБР. Над домом, где живут Грин, нависла зловещая тишина. Эта семья продолжает жить в одиночку и изолированно во враждебном мире без надежд.»

— Незнакомец, который заговорил с Джоки, был сам автор статьи, — объяснила миссис Грин, когда я вернул ей газетную вырезку.

— Общественный репортаж, нечего сказать: «Где твой папочка, Джоки?» То, что написано о нашем доме, конечно, — это наша ложь. Мы боимся Джоки миссис Грин. — Наши соседи и знакомые моих детей относятся к нам очень дружелюбно.

— Мне сказали, — заметил я, — что ФБР помогло нам вернуть сыну Динчику паспорт в летний лагерь. Правда ли это?

Миссис Грин утвердительно кивнула головой.

Лагерь находится в Нью-Джерси, поэтому я с детьми поехала на восток. Конечно, все формальности, необходимые для отправки Динчо в лагерь, были выполнены мною заблаговременно. Но когда мы приехали в Нью-Йорк, меня совершенно неожиданно уведомили, что администрация отказывается принять моего мальчика в лагерь.

Миссис Грин показала мне письмо, присланное ей администрацией лагеря. Привожу выдержку из него:

«... Пришло за неделю до открытия лагеря к нашему директору приехали два агента ФБР. Они сказали, что если мы привезем вашего сына, то лагерь будет наводнен под постоянным наблюдением ФБР.»

Когда по возвращении в Иллинойс миссис Грин и ее дети поехали с родными отдыхать на озеро близ Чикаго, за ними все время следил ФБР.

В тот момент они освещали нашу дачу прожекторами, — сказала миссис Грин. — Агенты следовали за детьми даже тогда, когда те отправлялись купаться или уходить в школу.

Однажды миссис Грин осталась дома с маленькими детьми и ее шуря и со своим младшим сыном Райффом. Вдруг к ней в комнату вошли два агента ФБР. Возмущенная миссис Грин потребовала, чтобы они немедленно оставили ее дом, но те наотрез отказались уйти.

— Мы же часто приезаем

оружие, — сказал в присутствии детей один из них. — Но иногда неожиданно можем застрелить того, кого хотим. Хотите ли вы, чтобы это случилось с вашим мужем?

Агенты ФБР постоянно приходили также к соседям, родственникам и знакомым миссис Грин: миссис Файн, к владельцам магазинов, где они обычно делают покупки, к врачам, у которых они лечатся. Приходит и допрашивает этих людей.

Миссис Файн несколько раз пыталась устроиться на работу, в которой остро нуждается, но всегда была посылкой вмешательства ФБР ее увольняли.

— Что бы они ни делали, им не удастся сломить нас, — сказала в заключение миссис Грин. — Но мы хотим, чтобы американский народ узнал об этих фактах.

Выйдя поздно вечером из гостеприимного дома Грин, я и миссис Файн направлялись к ближайшей конюшне, чтобы поговорить.

Когда мы съезли, понаблюдайте за той машиной, — тихо сказала мне мой спутница, указывая на автомобиль, стоявший в конюшне.

Как только автомобиль тронулся, я посмотрел в заднее окно: автомобиль отъехал от тротуара и следовал за нами.

СТРАТЕГИЯ САДИЗМА

Ярким примером бесчеловечного отношения к детям арестованных коммунистов может служить случай с миссис Лоретой Стак — профсоюзным деятелем и членом комитета компартии штата Калifornia.

В восемь часов утра, когда миссис Стак готовила завтрак девятилетнему сыну и четырехлетней дочери, собирая мальчика в школу, а девочку в детский сад, в квартиру нагрянули агенты ФБР. В присутствии неурученных детей агенты заявили матери, что пришли ее арестовать.

Миссис Стак сказала, что не уйдет из дому до тех пор, пока не устроят детей и не позвонит своему адвокату. Но агенты не разрешили ей ни того, ни другого. Они заявили, что она может оставить детей на их попечение.

— Я не могу доверить моих детей ФБР, — запротестовала миссис Стак.

Долго пришлось ей упрашивать и убеждать агентов, прежде чем те разрешили сыну миссис Стак пойти к соседям и поговорить с ней, чтобы она присмотрела за его маленькой сестренкой.

В ответ на протесты общественных организаций, резко осуждавших методы ФБР, присматривавшие во время облав и арестов в Лос-Анжелесе и в Сан-Франциско, помощник судьи округа Уолтер Билл сказал: «Когда агенты ФБР исполняют свои служебные обязанности, они бесчеловечны». Не правда ли, примечательные слова!

Этот позорный случай агентов ФБР должно запомнить восьмилетней Белле Франкфельд.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк дейли комас» Уильям С. Фейлмор писал: «Позорный арест ее отца Филиппа Франкфельда».

«Восмалетняя дочь Франкфельда только что вернулась из летнего лагеря. Отец встретил девочку в Нью-Йорке и собрался

полететь с ней в Кливленд, где ее ждала мать.»

Результативнейшие смски были прекрасно осведомлены о намерениях Франкфельда. Вместо того, чтобы представить ему несколько часов свободы и позволить ответить своему дяде к матери, агенты ФБР задержали его в аэропорту и с восьмилетней девочкой доставили в Фолей-сквер.

Потерянный ребенок был фактически предоставлен самому себе, пока ота регистрировали, снимали отпечатки пальцев и совершили другие предписанные законом формальности. К счастью, сюда приехал другья Франкфельда и увезли ребенка из мрачной тюрьмы.

— Не один раз отцов и матерей, заподозренных в нарушении закона Смита, на долгое время заключали с детьми еще до судебного разбора. И-за чрезмерно высоких цен, не было так много денег, чтобы взять на поруки обвиняемых. На западном побережье страны пятнадцать деятелей коммунистической партии и четыре с половиной месяца ждали в тюрьме суда, так как за них потребовали неслабыми высоких залог — 750 тысяч долларов! А ведь почти у каждого из заключенных были маленькие дети.

Впреки основным принципам американской конституции эти и многие другие дети не только обречены на тяжелую разлуку с родителями, но и, как мы видели и приведенных выше примеров, подвергаются всякого рода гонениям и дискриминации за политические убеждения своих отцов и матерей.

— В состоянии ли ребенок понять все это? — говорит миссис Деннис — жена генерального секретаря Коммунистической партии США, осужденного на пять лет тюремного заключения. — Как может мой мальчик совместить эти факты с тем, чему его учат в школе о традициях американской демократии?

Агентам ФБР все же не удалось запугать или деморализовать семью лиц, осужденных за нарушение пресловутого закона Смита. В 1951 году в Нью-Йорке был организован «Комитет в защиту семей — жертв закона Смита».

Декларацию комитета поддержали многие общенациональные организации и некоторые прогрессивно настроенные деятели науки и культуры.

Каковы бы ни были наши личные взгляды, мы должны признаться, известный ученый-антрополог доктор Др. Уеллинг, — действия некоторых представителей правительства требуют, чтобы мы высказали свое отношение к ним в самой конкретной форме, сначала в виде протеста против подобных действий, а затем в виде оказания материальной помощи тем, кто стал жертвой этих действий, и их семьям.

К своим родителям присоединились дети. Они создали организацию «Молодежь в борьбе за гражданские права».

— Мы будем бороться за мир и гражданские свободы, — сказала мне один из членов этой организации — директор закона Смита — только часть общественной борьбы...

Перевод с английского Б. ЗОРНИНА и Л. МОРОЩИНОЙ.

В Москве приходит гордость за цвет своей кожи

Мне 25 лет. С детства я мечтал побывать в Советском Союзе. И вот, наконец, в 1957 году мне удалось наконец побывать в Москве на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. Власть не пустила нас, а простые люди говорили: «Поэзиями обязательно Вы должны увлечь будущую».

И я увидел. Это был новый мир. Все совсем иначе! Я вернулся домой с мечтой приехать еще раз в Советский Союз. И ваша страна помогла мне. СССР пригласил несколько студентов из Судана учиться в Москве.

Как я был рад, когда узнал, что еду!

Этих летов я запомнил второй курс медицинского института имени Пирогова и переезд на третий. Мне дают стипендию 800 рублей в месяц, а за прекрасную отдельную комнату в новом общежитии я плачу всего 35 рублей. Программы обучения я знаю. Почти половина учащихся. Мне и мои соотечественники оны с охотой помогают, но мы засильем не делают никаких послаблений. Мы любим Советский Союз, советских людей. Здесь не чувствуешь национальной розни. Я бы даже сказал, что здесь приходит чувство гордости за цвет своей кожи. Почти каждый день ко мне на улице подходит народ, спрашивая, откуда я, или с собой частую в Москву. Я момент был, ну, на крайний случай, помогу. Сколько раз не могу сдержать слез радости! Только в Советском Союзе я понял, что значит быть свободным человеком!

Я грустно думаю о том, что все-таки окончатся сроки моего обучения и придется уезжать. Конечно, я скажу по своей родине, но еще сильнее я буду думать по стране Советского Союза. Мы, замечательные советские люди, это останется в наших сердцах навсегда!

Ваш друг

Мохамед Хамед ЭЛЬМАК

В упорной борьбе на рингах и кортах, в соревнованиях на водных дорожках и стадионах молодые спортсмены завоевали право быть участниками Второй спартакиады народов СССР.

На снимках (слева направо): чемпионка Литвы по метанию диска Степанов; перворазрядница из Ташкента пловчиха Илана Корсанова; Людмила.

Дидига Лаунте; на ринге справа — неоднократный чемпион Союза Боксера Воронежского университета мастер спорта гимнаста Тамара

Спорт миллионов

Е. И. ВАЛУЕВ,

заместитель председателя Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР, главный судья Второй спартакиады народов СССР

Восьмого августа на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина зальется флаг Второй спартакиады народов СССР. Фанфары ознаменуют открытие одного из самых больших спортивных праздников страны. В соревнованиях, которые продлятся одиннадцать дней, примут участие более девяти тысяч юношей и девушек — представителей пятнадцати союзных республик. Это будет грандиозный финал острей спортивной борьбы, начавшейся еще летом прошлого года, величественный смотр самых массовых выступлений в истории отечественного и мирового спорта. Если в спартакиаде народов СССР 1956 года участвовало около двадцати трех миллионов физкультурников, то в соревнованиях нынешней спартакиады приняло участие свыше тридцати пяти миллионов и в два раза больше подготовлено мастеров спорта.

Таков радостный итог повседневной заботы партии и правительства о советских спортсменах, о росте рядов физкультурников — здоровой, сильной, жизнерадостной армии молодых строителей коммунизма. Перестройка руководства физкультурой и спортом, проведенная не так давно по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР, открывает еще больший простор для инициативы и самостоятельности, для небывалого расцвета спортивных талантов, которыми так богата наша страна.

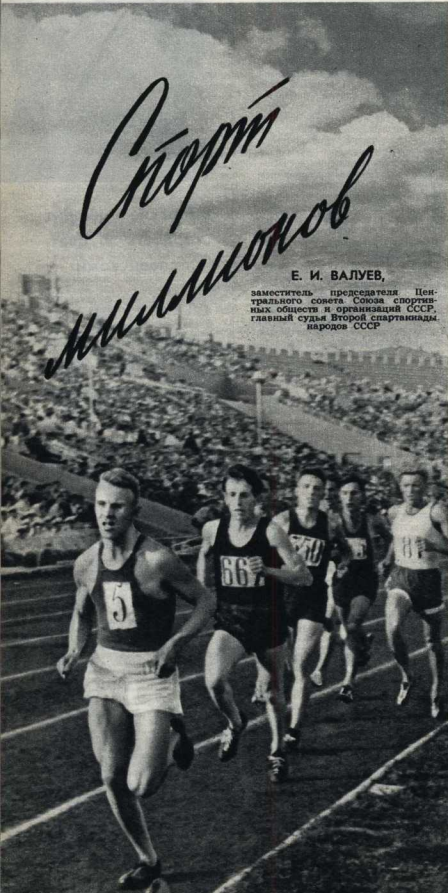
Блестящих успехов достигли советские спортсмены и на международной арене. Наши легкоатлеты одержали убедительную победу над своими сильнейшими соперниками — легкоатлетами Союзинных Штатов Америки. С триумфом вернулись из родины советские мастера клинка и ракетки. Славой первого фехто-

вальщика мира увенчан латышский юноша Бруно Хабаров. Неофициальным чемпионом мира по теннису среди юношей стал семнадцатилетний таллинский школьник Тоомас Лейус...

На отеческую заботу партии и правительства советская молодежь отвечает сывоенной готовностью пораздовать Родину новыми, еще более высокими спортивными достижениями. В результате длительной спортивной борьбы, предшествовавшей финальным соревнованиям Второй спартакиады народов СССР, выявились новые имена, новые дарования. Такие таланты спортсмены, как пловец В. Кузмин, стрелок Э. Ярош, гимнасты М. Приношвили и Ю. Макурин, легкоатлеты Д. Тралле и М. Роззе, и многие, многие другие участники республиканских спартакиад, своими замечательными результатами приумножили славу советского спорта. А сколько еще новых имен появится в ходе финальных соревнований!

По двадцати двум видам спорта разгорится спортивная борьба. На беговых и водных дорожках, на баскетбольных и волейбольных площадках, на велосипедных треках и теннисных кортах юноши и девушки будут оспаривать спортивную честь своих республик. По пяти видам спорта выступят на спартакиаде коллективы физкультур.

Финальные соревнования пройдут под знаком нерушимой дружбы молодых посланцев народов многонационального Советского Союза. Возбужденные историческими решениями июньского Пленума ЦК КПСС и трудовыми победами, одержанными нашим народом в строительстве коммунизма, советские физкультурники полны решимости поднять еще выше спортивное знамя своей любимой Родины.

↑ бег на 5 тысяч метров ведет Петр Болотников. Прежде чем выступить на спартакиаде, ему пришлось пробыть на тренировках не одну тысячу километров.

Первоклассные гребцы приехали на соревнования из солнечной Туркмении. На снимке: туркменские перворазрядники Ю. Савинов и Г. Стростенко.

Фото А. Бочнигина и Н. Вологова.

В ПОНЕДЕЛЬНИК

Каждый божий день мы встречаемся с Александром Павловичем не менее трех раз. Первый раз наша встреча происходит утром, когда идем на работу. Заведая друг друга, мы еще издали начинаем приталкивать пальцами руки. Второй раз обязательно видимся в чайной, куда заходим в обеденный перерыв выпить кефира. Я пью жарный кефир, а он — жидкий. В третий раз наши пути скрещиваются вечером, когда возвращаемся с работы.

Даже в дни наибольшего накала на футбольных полях, где происходят полные драматизма матчи между командами класса «А», наша беседа начинается с рассказа о рыбалке, а потом уже мы говорим обо всем остальном. Многолетняя наша дружба крепко держится исключительно на рыболовной основе. Александр Павлович — бухгалтер, и меня эта почетная профессия несколько не занимает; я журналист районного масштаба, и эта специальность, в свою очередь, не волнует бухгалтера. Одно только рыболовство нас и роднит.

Наибольший интерес наши встречи представляют в понедельник. За пять минут мы стремимся поведать друг другу обо всем, что приключилось за прошедшую вчерашнюю выходной день. С грустью должен признать: мне приходилось больше слушать, чем говорить.

Вы знаете, какая удача! — говорил мне Александр Павлович, пожимая руку. — Четыре шук взял на спиннинг. Две по два килограмма, а остальные — старт: по килограмму.

Дальше следовал подробный рассказ о том, как «голец» (шук мужского рода) подался с блесной в кусты и как долго пришлось с ним возиться, как долго пришлось делать килограммовые шuki, высканная из воды и пытаясь избавиться от блесны. Но когда Александр Павлович, покончив с воскресным отчетом, लेकर садился на продолжение, начинавшееся со слов «это мне напоминает один случай», я немедленно пожимал ему руку, иначе рисковал попасть на работу что-то около полудня.

В чайной рассказ о воскресных приключениях на реке приобретает уже иное содержание. Вы знаете, — говорил Александр Павлович, — все-таки повезло. Восемь шук. Да каких! Четыре по три килограмма, а остальные стандарт — двухкилограммовые.

Во время вечерней встречи количество пойманных в воскресенье шук возрастало до восемнадцати, причем среди них уже оказывались экземпляр в пять килограммов, а стандарты становились шuki в три килограмма весом.

Обратить внимание Александра Павловича на некоторую неточность в его отчетах я не решился по двум причинам: во-первых, мы с ним закадычные друзья, а во-вторых, он был в том состоянии

возрасте, когда люди вот-вот входят на пенсию. Однако мне очень хотелось, чтобы через почетным выходом на пенсию мой друг-бухгалтер все же научился считать несколько точнее.

Дождявшись очередного понедельника, я начал свой рассказ тогда, когда нас еще разделяло расстояние метров в пять и мы не успели обменяться рукопожатием.

Четырнадцать! — воскликнул я, да так громко, что стоявший на противоположной стороне улицы милиционер посмотрел на меня с укором. — И как! Восемь по пять килограмма, а остальные так себе — по два, по три килограмма. Четыре клюнули на «спокчу», а остальные — на «средце».

Юмористический рассказ

Рисунок Е. Ведерникова.

В. БАХОВ, Я. КОСТЮКОВСКИЙ

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

Рисунок Е. Гурова.

По бульвару очень чинно,
Не спеша идет мужчина.
Это Павел, наш сосед,
Павлу двадцать с лишним лет.
Он вперед шагает твердо,
Возвышаясь над толпой,
И поглядывает гордо,
И доволен сам собой.

Чем же так гордится Павел?
Где он славу добывал?
Он в Антарктике не плавал,
Целины не поднимал.
Он и винтика не сделал
Для космического ракет,
В батисфере в море смело
Он не опускался, нет.
Квадратуры круга тайну
Он не разгадал пока,
Не водил в полку козляком,
Не работал у станка.
Хлеб не севал, сталь не плавил,
И угля не добывал.
И нигде без мамы Павел,
Кроме Крыма, не бывал.

Чем же он гордится? вроде
И причин особых нет.
Там, быть может, что по моде
И со вкусом он одет?
Но ведь Павла, скажем прямо,
Одевают папа с мамой,
И космодом потому
Хвастать нечего ему.

Сложный опыт он поставил!
Или защитил диплом!
Нет, не учился наш Павел,
Дело, стало быть, не в том.

Павел оттого гордится,
Что не свет и не женит,
Но при всем при том, как птица,
Прилепавши живет.
Ни работы, ни заботы,
Ни хлопот у Павла нет,
Он рубля не заработал
За свои за двадцать лет.

Говорит он, не робея:
«Пусть работают плебеи,
Мизин прожить, не зная дел —
Вот для избранных удел!»

Он себя считает лично
Хитроумным мудрецом,
От простых людей отличным,
Исключительным лицом.

Мы согласны: без сомнений,
Павел — это исключенье.
Очень редкий индивид:
Советы у людей и стыд
Есть, как правило...

А Павел —

Исключение из правил.

В окрестностях сванского селения Гуль.

В горах Кавказа.
Подъем на Ужбинское плато.

Зовут в поход заманчивые дали...

Много в нашей стране энтузиастов туристского спорта. И с каждым годом их становится все больше. Ведь так заманчиво странствовать по родной земле, любоваться неповторимой красотой ее полей и лесов, рван и гор, золотыми закатами и сияющими красками восходов! Тот, кто хотя бы раз участвовал в туристском походе, кто бродил по таинственным тропам, кто видел вечерней порой горюватый дымок костра, кто спал под открытым небом, надолго запомнит все, что довелось увидеть и пережить в эти ослепительно романтические дни и ночи. А сколько новых, хороших друзей обретает турист после каждого похода! Это те, кто в нелегкую минуту помог взобраться на крутую гору или в знойный августовский день поделился последними глотком воды из походной фляги...

На этой странице помещены фотографии из альбома туриста Петра Шведова.

Перетаскивание лодки волон на озере Салигер.

Цена номера
2 руб.

